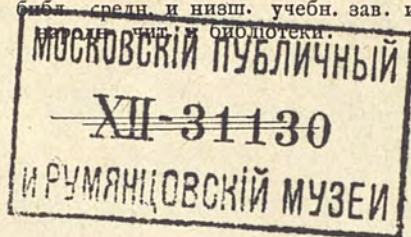

140
250
В. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

СТАРЫЙ ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ.

— ◆ ○ ◆ —
И з д а н і е 3-е.

Въ предыдущ. изд. Ос. Отд. Учен. Ком. М-ва Народн. Пр. до-
пущ. въ учен. библ. средн. и низш. учебн. зав. и въ безпл.
учен. чит. и библиотекн.

ИЗДАНИЕ

Д. П. ЕФИМОВА.

МОСКВА.

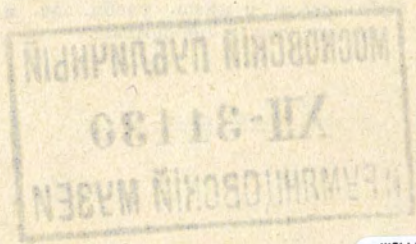
—
1913.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Моховая, д. Бен-
кендорфъ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

А. Д. ДРУТМАНЪ.

Типографія А. П. Поплавскаго. Москва, Ялинь пер., соб. д.

Старый фельдфебель.

РАЗСКАЗЪ ОФИЦЕРА.

(Посвящается князю Мих. Пет. Бебутову).

I.

Н а к а н у н ъ.

Сергѣя Токмакова у насъ знали всѣ. Высокій, худой, крѣпкій, несмотря на свои 65 лѣтъ, онъ щеголялъ еще старою выправкой. Со своими щетинистыми бровями, изъ-подъ которыхъ смотрѣли зоркіе молодые глаза, со встопорщенными усами, дававшими нашимъ шутникамъ поводъ разсказывать, что онъ прижалъ губой къ носу сѣдую мышъ, да такъ съ нею и ходилъ всю свою жизнь, старый фельдфебель съ первой встрѣчи отпечатывался въ вашей памяти. Ужъ очень характерна была эта фигура: всегда застегнутый доверху, съ тремя Георгіевскими крестами на груди и медалями за войны, въ которыхъ Сергѣй Токмаковъ участвовалъ. Онъ уже давно былъ въ отставкѣ, но неизмѣнно слѣдовалъ за полкомъ, гдѣ нѣкогда служилъ. Стояли мы въ Орлѣ—и Токмаковъ ока-

звался швейцаромъ въ тамошней гимназiи, ухитряясь быть свободнымъ каждый праздникъ, чтобы неизбѣжно являться въ полкъ; перевели насъ въ Брянскъ—прошелъ мѣсяць, и вдругъ передъ ротнымъ командиромъ Шерстобитовымъ какъ-то утромъ оказывается Сергѣй Токмаковъ.

— Честь имѣю явиться вашему благородiю,—по формѣ рапортуетъ онъ.

— Здравствуй!

— Здравiя желаемъ...

— Какъ ты сюда попалъ?—изумляется Шерстобитовъ.

— Распрощался съ гимназiей... Ушелъ!—радостно улыбается старикъ, да такъ, что сѣдой мыши, очевидно, грозила участь быть раздавленной.

— За полкомъ?

— Точно такъ-съ, ваше благородiе, за полкомъ.

— Что же ты здѣсь будешь дѣлать?

— На пушечно-литейный заводъ поступилъ.

Особенностью Токмакова было то, что онъ всегда самъ заботился о себѣ, не прибѣгая ни къ чьему покровительству или содѣйствiю.

Перевели полкъ въ Вильну. Ну, думаемъ, не увидимъ больше старика. Куда ужъ ему трогаться съ насиженнаго мѣста, тѣмъ болѣе, что на заводѣ имъ дорожили и уважали его выше мѣры. Онъ въ Брянскѣ даже домишко себѣ построилъ, выписалъ племянника и какую-то торговлю ему открылъ. Помню, какъ-то собрались въ офицерскомъ клубѣ и помянули старика, точно мертваго... И что же? Дня черезъ два былъ полковой праздникъ; глядимъ—Сергѣй Токмаковъ тутъ какъ тутъ, и даже къ ротѣ своей пристроился, на правомъ флан-

гѣ ея сталь, и усами шевелить, и глаза у него блестятъ, и лицо веселое-веселое.

— Сергѣй Ефимычъ!.. Вы какъ сюда?.. Вотъ молодець-то!..

— Радъ стараться!..—рубить онъ, какъ умѣли отвѣчать только въ его времена.

— А Брянскъ?—спрашиваютъ его.

— Развязался... Въ чистую!—такимъ тономъ, точно ему этотъ литейный заводъ страшно надоѣлъ.

— Да вѣдь вы построились тамъ,—недоумѣваетъ кто-то изъ молодыхъ, еще не присмотрѣвшихся къ старику.

— Точно такъ... Только что же? Домъ да лавку я племяннику въ аренду сдалъ. Пущай его богатѣть. Съ меня хватитъ.

— А самъ за полкомъ?

— Мнѣ, ваше благородіе, безъ полка никакъ невозможно... Потому вся моя жизнь и вся семья тутъ...

И голосъ у него дрогнулъ, и на сѣдые усы слеза даже капнула; онъ быстро совладалъ съ собой и ужъ строго оглянулся кругомъ. Терпѣть не могъ старикъ сентиментальничать.

Разцѣловались съ нимъ...

— Что же ты будешь въ Вильнѣ дѣлать?—спрашиваетъ его Шерстобитовъ.

— А ужъ я пристроился.

— Куда? Когда?..—послышалось кругомъ.

Токмаковъ опять значитъ сдѣлалъ по-своему—«заявился» въ полкъ, пріобрѣтя уже себѣ прочное обезпеченіе, чтобы никому не быть въ тягость.

— Къ театру, ваше благородіе...

— Въ артисты, что ли?—засмѣялась молодежь.— Вы не въ первые любовники, Сергѣй Ефимычъ?

— Нѣтъ,—улыбается старикъ.—Мы публику въ швейцарской принимаемъ... Для порядку, значить. Настоящее стариковское мѣсто. Стой себѣ у дверей и сторожи, чтобы всякому нашъ порядокъ былъ видимъ.

— Ну и какъ—на новомъ-то мѣстѣ?

— Ничего, жить можно...

Жить можно ему, впрочемъ, оказывалось при всевозможныхъ условіяхъ. Сергѣй Токмаковъ находилъ, что жить можно и въ деревнѣ, гдѣ стояла его рота—и тамъ онъ умѣлъ находить себѣ дѣло и быть полезнымъ. «Жить можно» было и въ европейскихъ крохотныхъ городенкахъ, гдѣ на всякій мелкій трудъ открывалась сотня голодныхъ ртовъ, и цѣны были сбиты до невозможности... Это «жить можно» и строгое довольство всякою обстановкой, въ которую попадалъ Токмаковъ, было его характерною чертой... Изъ Вильны онъ, бросивъ театръ, съ такимъ же легкимъ сердцемъ перебрался въ уѣздный городенко, гдѣ стояла наша рота, и черезъ мѣсяць уже ухитрился открыть тамъ какую-то торговлишку. Его у насъ знали всѣ, и молодые офицеры, заглазно подшучивая надъ старикомъ, не только любили его, но въ трудныхъ обстоятельствахъ ходили къ нему за совѣтомъ... У Сергѣя Токмакова водились денежки, и, разумѣется, было бы такихъ еще больше, если бы онъ уже не слишкомъ близко принималъ къ сердцу интересы «своей роты». Бывало, обносится какой-нибудь разгильдяй подпоручикъ, а смотрѣть на носу. Мундиръ поблѣднѣлъ по швамъ, на локтяхъ лысины, колѣни даже посвѣтлѣли... Кажется, мать офицеру, достать неоткуда, въ долгъ тоже никто

не вѣрять, какъ вдругъ является откуда не возьмись Сергѣй Токмаковъ съ евреемъ-портнымъ...

— Къ вашему благородію,—сурово докладываетъ онъ, глядя черезъ голову забулдыги куда-нибудь въ уголь.

— Что вамъ, Сергѣй Ефимовичъ?

— Не хорошо-съ, къ смотру да не въ порядкѣ быть... Генераль-то, сами знаете, изъ нѣмцевъ, онъ этого понять не можетъ... Строгій. Дозвольте вотъ мѣрочку ему снять.

— Помилуй... Да я...

— Не безпокойтесь, ваше благородіе... Все-равно, что свой... Въ моей ротѣ вѣдь... Ужъ дозвольте... Деньги получите—отдадите, или частями—по мѣсяцамъ. А то какъ же и къ начальству являться. Всей ротѣ вѣдь срамъ... Скажутъ — въ первой стрѣлковой ротѣ офицеры-то представились не въ порядкѣ.

Старика не обманывалъ никто... Деньги ему возвращали, но онъ ухитрился ихъ опять тратить на роту. Молодыхъ солдатъ онъ жалѣлъ по-своему. Прощтрафится такой, потеряетъ казенную вещь—бѣда, подъ судъ итти нужно. Куда бѣднягѣ дѣваться? Разумѣется, къ Сергѣю Ефимычу. Тотъ вскипятится, иной разъ, по старому обычаю, даже «въ зубы ткнетъ» для *порядка*, а все-таки выручить изъ бѣды...

У него здѣсь завелось что-то въ родѣ семьи... Умеръ женатый фельдфебель и оставилъ вдову съ дѣтьми. Токмаковъ привязался къ нимъ, считалъ малышей тоже принадлежностью своей роты. «Ишь, ротное имущество,—говорилъ онъ, бывало,—казенная вещь». Поселилъ ихъ съ собой, занялся ими...

Обшилъ ихъ, кормить сталъ!.. Содержалъ въ строгости, потому что безъ строгости онъ и не понималъ ничего. Молодое дерево,—говорилъ старикъ,—не подопрешь — расшатается. Первымъ вѣтромъ его свалить». Вдова тоже трепетала его — ужъ очень сурово топорщились на нее сѣдыя брови Сергѣя Ефимовича. Онъ, впрочемъ, вообще къ женщинамъ относился презрительно... «Эй, ты,—безпардонная команда!—зоветь онъ ее, бывало,—Ступай чай пить», а самъ уставится на нее и думаетъ: «на кой прахъ Господь-Богъ бабу эту создалъ?.. Кому отъ нея толкъ какой, ни въ службу ее—никуда, одно безпокойство... И Степанычъ (покойникъ) умный человѣкъ былъ, солдатъ исправный, а поди какую глупость выкинулъ, съ бабой спутался...» И такъ качаетъ головой при этомъ, что вдова загодя уже трепещетъ вся... Вышколилъ онъ ее на славу... Увидить грязь на дѣтяхъ—мать въ отвѣтъ. Явится, бывало, домой неожиданно...

— Эй, пузари, стройся!..

Дѣти уже знали: сейчасъ локоть къ локтю и глаза на него пучать.

— Сейчасъ я вамъ инспекторскій смотрю. Ванюшка... ты какой роты?

Тотъ ужъ знаетъ: вытянется.

— Первой гарнадерской!..

Токмаковъ, по старой памяти, называлъ свою такъ, какъ она при немъ значилась еще.

— Молодцы!.. Скидавай шинель!

Сбросить тотъ кафтанишко... Осмотрить старикъ рубаху—въ исправности... чиста.

— Степка!.. Скидавай сапоги!..

Бѣда, бывало,—онучи грязны. Сейчасъ мать къ отвѣту.

— Ты ихъ должна въ чистотѣ держать. Потому солдатъ—Божій воинъ, не вамъ длиннохвостымъ сорокамъ чета. Ты думаешь, тебѣ на подолѣ грязь легко носить, такъ и ему тоже?

— Да какой же онъ еще солдатъ, Сергѣй Ефимычъ?..—осмѣлится она, бывало.

— Ты у меня поговори! Пусть растетъ солдатомъ. Отецъ у него исправный воинъ былъ... И ему служить придется...

И такъ поведетъ глазами, что у той отъ страха подъ ложечкой защемить.

— Такъ ли еще тебя сторожить надо,—ворчитъ онъ... А потомъ сядетъ на лавку, закуритъ трубку, соберетъ дѣтишекъ кругомъ, и давай наставлять ихъ, какъ всякій настоящій солдатъ вести себя долженъ и какъ вообще слѣдуетъ жить въ «аккуратѣ»...

— Хотѣла я спросить у васъ...—заговорила разъ вдова.

— Ну, чего еще?—хмурился тотъ.

— Тутъ ремесленное училище есть.

— Ну?

— Ванюшку бы... въ лудильщики...

— Накладу я тебѣ, дурѣ, по шеѣ!..

— Я что же... я какъ вамъ будетъ угодно...—растерялась она.

— Дура и есть... И на что Господь праведный создалъ... Точно плѣсень въ сыромъ мѣстѣ!

Плюнетъ и уйдетъ.

Ванюшка, его любимецъ, по понятіямъ старика, долженъ былъ чудеснымъ солдатомъ выйти, а тутъ—не угодно ли—въ лудильщики... И выду-

маеть же!... Разъ онъ за такія глупости такъ распушилъ вдову, что та, какъ ни напугана была, а обидѣлась.

— Что жъ, Сергѣй Ефимычъ, иль ужъ я не мать!..

— Мать!.. Что говорить...

— Тоже и у меня душа...

— У тебя душа!.. Нѣтъ, братъ, души-то тебѣ и не положено.

— Это же какъ?

— Такъ коли бы у тебя душа была,—тебя бы къ присягѣ приводили.

Этотъ аргументъ такъ поразилъ вдову, что она больше не заикалась о существованіи души.

— Душа!—негодовалъ потомъ Сергѣй Ефимычъ.— Человѣка Богъ создалъ—душу въ него вдохнулъ, а бабу и безъ этого воздвигъ... Гуляй-де на людскую погибель. Вотъ и вся твоя аммуниция въ томъ состоитъ... Душа...

— А какъ же насъ въ церковь пуцаютъ!—заикнулась было та.

— Терпятъ... Мало-ли что...

Осень 1877 года у насъ стояла ужасная.

Цѣлые дни шелъ дождь—мелкій, надоѣдливый, не прекращавшійся ни на минуту. Все кругомъ точно вымокло насквозь. Земля лежала бурою массой, влажными комьями; въ самую глубь просочились болотины; дороги тянулись неоглядными полосами грязи, въ которыя вязли по ступицы телѣги. Облетѣвшія деревья казались скелетами, поднявшимися изъ могилъ и беспомощно протягивавшими свои костлявыя руки; дали скрывались въ сѣрвовой дымкѣ густого тумана, въ которомъ придорожныя села чудились какими-то темными пят-

нами... На городскихъ улицахъ сновали только юркіе еврейчики, да и тѣ изображали своими намокшими фигурами какихъ-то календарныхъ водолеевъ. Только эти знаки зодіака и попадались навстрѣчу офицерамъ, которыхъ служба вызывала куда-нибудь... На далекомъ югѣ, тамъ, за голубымъ, какъ его принято считать, Дунаемъ, дрались и умирали; а здѣсь мы точно были забыты цѣлымъ свѣтомъ... Каждая вѣсть оттуда расшевеливала нашъ муравейникъ, даже страшное плевненское побоище возбуждало въ молодыхъ офицерахъ чувство зависти. — «Неужели насъ забыли? — спрашивали они. — Неужели нашъ полкъ не потребуется? Господи! Сидѣть тутъ и гнить въ сырости, когда тамъ братья и товарищи гибнуть. Да что же это!»

Дни тянулись за днями скучно, однообразно. Мы оживали только съ появленіемъ газетъ, мысленно слѣдя и за стоянками нашихъ войскъ въ Румыніи, и за переправой черезъ Дунай, и за боями подъ Систовымъ, Никополемъ, Плевной и Шипкой... Особенно послѣдняя. Голова кружилась, когда воображеніе рисовало намъ утонувшія въ голубыхъ небесахъ вершины Балканскихъ горъ, смѣлые взлеты и отвѣсы ихъ, батареи, взобравшіяся на самое темя утесовъ, ложементы, въ которыхъ горсть нашихъ героев отстрѣливалась отъ врага, въ пятьдесятъ разъ большаго...

Сергѣй Ефимычъ, упорно отказываясь сѣсть, стоялъ обыкновенно у двери и внимательно вслушивался. Для него это были знакомыя мѣста... «Знаемъ, — скажетъ, бывало. — Мы тамъ стояли... Здорово мы тогда!..» и только глаза разгорались у стараго фельдфебеля, да усы еще болѣе топорщились, и

брови грозно хмурились... И онъ отмахивался рукой. Больше отъ него мы ничего добиться не могли.

— Скоро ли нашъ полкъ позовутъ?—спросилъ онъ какъ-то.

— Должно быть, совсѣмъ этого не будетъ!

— Какъ не бывать!.. Еще такой войны не случилось, чтобы безъ насъ дѣло обошлось.

— Да это когда-то... А теперь вотъ приходится гнить здѣсь, въ мѣстечкѣ этомъ... Въ грязи тонуть...

— А я вамъ доложу, ваше благородіе, что насъ берегутъ.

— На что?

— А на случай, когда нашихъ выручать надо будетъ... Вотъ на что... Потому это дѣло извѣстное, хорошіе полки вездѣ въ самый огонь посылаютъ... На послѣдокъ—выручать! И въ прошлую кампанію насъ двинули въ кашу.

И шипкинскіе бои миновали, и всѣ, еще невѣдомыя намъ, позиціи на Лысой горѣ и на Св. Николаѣ остались за нами... Набѣгъ турокъ на «Зеленое Древо» еще разъ взволновалъ всѣхъ... Такъ и грезились намъ на зеленыхъ скатахъ ущелья вдали исчезающіе въ ароматныя рощи турки и молодецкіе баталіоны, идущіе на выручку... И вдругъ—откуда ни возьмись, какъ громъ съ яснаго неба—разразилась надъ всѣми нами вторая Плевна... Мы съ трепетомъ душевнымъ читали подробности о ней, о давнихъ подвигахъ героизма и самоотверженія, не осилившихъ неожиданно выросшія передъ нашими войсками твердыни Османъ-паши... Малодушія и трусости ни у кого не было. Напротивъ, въ каждой душѣ рождались чувства мести,

желаніе пойти помѣряться и отплатить врагу за его минутное кровавое торжество...

Я помню, совершенно подавленный всѣмъ прочитаннымъ, сидѣлъ у себя, у окна, бессознательно глядя на улицу, гдѣ моросилъ все тотъ же мелкій дождь и стояла слякоть, въ которой чуть не тонули бѣгавшіе сегодня отъ одного дома къ другому еврейчики, какъ вдругъ дверь ко мнѣ скрипнула. Я оглянулся.

— Здравствуйте, Сергѣй Ефимычъ.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!

Онъ почему-то смотрѣлъ весело и радостно, точно награду ему дали.

— Читали вы?.. — съ недоумѣніемъ спрашиваю его.

— Какъ же-съ... Подъ Плевенемъ... Имѣю честь поздравить.

— Съ чѣмъ это?

— Теперь наша очередь пришла. Съ походомъ!

— Какъ такъ?

— Извольте увидеть... Не завтра, такъ на этой недѣлѣ нашъ полкъ позовутъ.

— Куда?

— На выручку, подъ эту самую «Плевень»...

— Ну, этого, кажется, мы не дождемся. Тутъ сгніемъ.

— Вы бы, ваше благородіе, загодя поизготовились. Объявятъ походъ—дня не дадутъ. А у васъ, вонъ, теплыхъ-то вещей нѣтъ!

И откуда онъ зналъ хозяйство каждаго офицера нашей роты?

Я только улыбнулся въ отвѣтъ. Мое недовѣріе, кажется, обидѣло старика.

— Вы извольте въ окно посмотрѣть...

— Ну, что же тамъ? Грязь, дождь, сырость. И смотрѣть-то противно.

— Точно что, а какъ жидки тутошніе зашевелились—изволили видѣть?.. Ишь бѣгають.

Дѣйствительно, сегодня они разсовались во всѣ стороны.

— Ну такъ вотъ... Что старая контузія погоду чувствуетъ, то и еврей... Ужъ они тамъ всюду шныряютъ... Тоже нюхомъ берутъ... Посмотрите, на сихъ дняхъ и насъ двинуть... Я полкового командира встрѣтилъ, ему говорю: а онъ—что жъ, у меня, старикъ, все готово, хоть вечеромъ... Генераль-маршъ забьютъ, сейчасъ же и выступимъ.

Обѣдали мы у себя въ офицерскомъ клубѣ...

Въ концѣ, кажется, за жаркимъ, вдругъ входитъ взволнованный и возбужденный нашъ полковникъ и, не обращаясь ни къ кому изъ насъ, даже забывъ отвѣтить на наше привѣтствіе, приказываетъ:

— Подайте намъ дюжину шампанскаго.

Что такое?—думаемъ. Отецъ-командиръ до сихъ поръ и на собственныхъ своихъ именинахъ бѣленькимъ бессарабскимъ отдѣлывался. Скупенекъ былъ—а тутъ вдругъ этакъ распространяется. Невдомекъ намъ. Стоимъ мы и онъ стоитъ, никому сѣсть не предлагаетъ.

Принесли, разлили. Онъ прерывающимся голо-собъ объявляетъ:

— Господа! Поздравляю съ походомъ, ура!..

Кажется, второй Іерихонъ могъ бы развалиться отъ нашего восторженнаго крика. Мы до ночи не выходили изъ собранія... Старики, которые обзавелись семьями, были невеселы. Зато молодежь

точно закипѣла вся... Каждому грезились героическія битвы, воскресали легенды, которыя мы заучивали еще на школьной скамьѣ; мечталось о реляціяхъ, на всю Россію оглашающихъ твое дотолѣ никому неизвѣстное имя. Рука невольно тянулась къ груди пощупать—ужь не виситъ ли на ней бѣленькій крестикъ... Вышли мы ночью, ноги тонули въ грязи, вверху густились тучи... А на душѣ было такъ свѣтло и ясно, такъ вѣрилось въ счастье и побѣду, что хотѣлось пѣть, идти куда-то безъ конца навстрѣчу таинственному, неизвѣстному, только не домой, въ маленькія и тѣсныя комнатки офицерскихъ квартиръ...

Походъ былъ объявленъ черезъ недѣлю. Все это время мы не видали Сергѣя Ефимовича. Какъ въ воду канулъ нашъ старый фельдфебель. Такъ мы и объяснили: тяжело ему разставаться съ полкомъ, онъ и ушелъ отъ насъ. Да и не до него было; у каждаго набралось пропасть заботъ и хлопотъ. Многихъ походъ заставалъ неподготовленными. Почти у всѣхъ были долги,—нашъ братъ офицеръ часто живетъ насчетъ будущихъ благъ. Слѣдовало все это привести въ порядокъ до выступленія.

II.

В ъ п о х о д ъ .

Я какъ теперь помню этотъ день.

Лилъ дождь съ утра, точно въ небѣ образовалась какая-то дыра, и насъ именно поставили подъ нею. Внизу ноги тонули въ слякоти, расползались въ ней, такъ что трудно было удержаться. Туманъ стоялъ кругомъ густою унылою пеленой. Въ

немъ тонуло все: и деревья обезлиствѣвшихъ садовъ, и дома города, и колокольни его церквей... Какое-то отчаяніе разливалось въ воздухѣ... Наши шинели не спасали насъ отъ пронизывающаго насквозь холода. Тишина въ хмурыхъ и сѣрыхъ рядахъ солдатъ. Изрѣдка только слышалось звяканье штыка о штыкъ...

Ко мнѣ подошелъ ротный командиръ, озабоченный и усталый.

— Ну, что, всѣ дѣла кончили?

— Да... И дѣлъ-то было немного!.. А цѣлую ночь пришлось провозиться.

— А гдѣ старикъ нашъ? Удивительно, Токмаковъ не пришелъ попрощаться... Живъ ли онъ еще? Или заболѣлъ, пожалуй. Въ эту погоду не диво.

— Я цѣлую недѣлю не видалъ его тоже.

— Ребята!—обернулся онъ къ стоявшимъ вольно солдатамъ.—Не видалъ ли кто, гдѣ Токмаковъ?

— Здѣсь, ваше благородіе!—точно отрубилъ кто-то въ туманѣ позади.

— Гдѣ здѣсь?.. Экій паръ, ничего не видно.

Во мглѣ послышался ровный шагъ подходившаго человѣка, и скоро передъ нами выросла характерная фигура стараго фельдфебеля. Онъ вытянулся, держа руки по швамъ, и, по уставу, глядя въ глаза ротному.

— Ну что, старикъ, проститься пришелъ?

— Прощаться будемъ, ваше благородіе, потомъ... А пока, дозвольте мнѣ съ ротой.

— Да вѣдь мы, чудакъ-человѣкъ, въ походъ.

— Точно такъ... И я съ вами. Не въ первой, славу Богу... Дѣло знакомое.

— Вотъ тебѣ и на!.. Да вы что это, Сергѣй Ефимычъ?

— Никакъ нельзя иначе. Сами знаете,—шопотомъ заговорилъ онъ:—солдаты молодые, никто изъ офицеровъ-то настоящаго огня не видалъ. Я такъ положилъ, сломать весь походъ съ ротой, показать имъ, какъ солдатъ долженъ вѣрой и правдой, значить. А потомъ и въ огонь, пока не обстрѣляются.

— А семья твоя?

— Вдова съ дѣтьми? Не помрутъ... Я ихъ устроилъ тутъ... Мнѣ за роту страшно... Все я имъ помогу... Покажомъ... Молодому солдату примѣръ нуженъ. Подъ Севастополемъ она первую считалась. На двадцать шаговъ англичановъ пускала безъ выстрѣлу... Кладъ!.. И стоять, ждутъ, а потомъ—пли! Въ самыя морды, значить... Желѣзная рота была... Надо бы и теперь... Я много мѣста не займу, ну а если и убьютъ, что жъ, старому солдату—смерти бояться? Самое настоящее дѣло. Не даромъ у меня три Егорія... Кому и помирать христоробивымъ воиномъ, какъ не мнѣ.

Смотрю: капитанъ старается быть спокойнымъ, а у него непрошенныя слезы такъ и проступаютъ въ глазахъ.

Извѣстно, что желѣзныя дороги во время войны вовсе не оправдываютъ ожиданій мирнаго времени. Всегда подвижной составъ оказывается и недостаточнымъ и негоднымъ. Нѣтъ вагоновъ, нѣтъ локомотивовъ, нѣтъ платформъ.

Нашему полку тоже пришлось большую часть пути сломать по грунтовымъ путямъ. По чугункѣ мы не сдѣлали и половины, а въ Румыніи уже и совсѣмъ шли пѣшкомъ. Помню, какъ мы перехо-

дили черезъ Прутъ... Около меня былъ въ это время старый фельдфебель;—онъ вдругъ ожилъ разомъ, брызнулъ, дѣйствительно брызнулъ на меня искрами внезапно загорѣвшихся глазъ, лихо расправилъ усы, а потомъ вдругъ точно опомнился, снялъ шапку и перекрестился.

— Четвертый разъ перехожу я его...—пояснилъ онъ и задумался.—Орлы были!.. Какіе орлы были, ваше благородіе! Въ небо самое летомъ! Всѣхъ я ихъ помню,—точно сейчасъ они передо мной. Самое что есть невозможное дѣлали! Зло какое все позади оставалось, а впередъ одна доблесть шла... Ахъ!.. Дай-то Богъ и нонѣшнимъ послужить, какъ тѣ послужили.

Тутъ уже онъ ничего не пропускалъ мимо. Казалось, далекая былъ во всемъ блескѣ, въ яркихъ эмалевыхъ краскахъ молодости, съ ея зноемъ и счастіемъ, воскресала передъ нимъ. Онъ началъ шутить, рассказывалъ солдатамъ трогательные и героическіе случаи того времени и незамѣтно такимъ образомъ воспитывалъ ихъ въ боевыхъ преданіяхъ. Весь путь, весь этотъ походъ, старый фельдфебель не позволилъ себѣ ни малѣйшей поблажки. Молодежь, бывало, языки высунетъ, устанетъ, понурится, а онъ точно и не замѣчаетъ этого, не горбясь, такой же прямой, грудь впередъ, мѣситъ себѣ бессарабскую грязь ногами и подшучиваетъ надъ «нынѣшними».

— Эй, ты, племяшъ, чего въ землѣ ищешь?.. Аль у тебя здѣсь бабку похоронили?

Племяшъ, сконфуженный, выпрямляется, а Токмаковъ продолжаетъ свое:

— Солдатъ гляди впередъ за пятнадцать шаговъ.

Нечего ему подъ ноги, точно деревенской знахаркѣ, смотрѣть... Вишь у тебя, парнишко, носъ-то кверху задранъ, ты и иди за носомъ, небось, онъ не обманетъ... Ноздрей въ небо самое, для легкаго воздуха, значить... И дышать легче, и видъ у тебя настоящій, бравый. Какъ у пѣтуха на заборѣ.

А то пойдетъ дождь, охватить холодомъ, онъ тутъ какъ тутъ, шутить, смѣется, анекдотъ расскажетъ такой, что весь взводъ хоть на землю ложись отъ хохота... Потомъ передніе заднимъ передаютъ его, и вся рота смѣется и, пріободренная, бодро одолѣваетъ туманъ и слякоть румынской осени. Нашъ дѣйствительный фельдфебель, молодой Гаврилюкъ, понялъ нравственное превосходство старика и во всемъ спрашивался его, но тотъ научилъ ему уму-разуму. «Ты меня спрашивать спрашивай, и завсегда я тебѣ отъ души совѣтъ дамъ, а только ты это глазъ на глазъ, чтобы солдаты не видали... Никакого почтенія къ тебѣ у нихъ не будетъ иначе... Коли ты не своимъ умомъ станешь дѣйствовать. Ты будто отъ себя все должонъ»...

Уже около Плоэштъ старый фельдфебель показлъ себя молодымъ солдатамъ и съ другой стороны.

Вели мимо насъ партію плѣнныхъ турокъ... Мы остановились отдохнуть, и они тоже. Наши окружили ихъ, сначала остолбенѣвъ; словно на невиданныхъ звѣрей смотрѣли на горбоносыхъ старыхъ анатолійцевъ, бритолобыхъ, съ усами, низко падавшими на измученную трудною дорогой грудь, а потомъ слышались вдругъ шутки: кто-то первый подсмѣялся надъ плѣнными, не со зла, а по глупости; къ нему пристали другіе, и вдругъ за-

взялся кругомъ уже ничѣмъ нестѣсняемый хохоть.

— Смирно!—вдругъ грозно и громко раздалось позади.

Солдаты вздрогнули и смолкли.

— Стыдь!.. Срамъ... Надъ чѣмъ смѣтесъ?

И старый фельдфебель, раздвинувъ стоявшую предъ нимъ молодежь, вошелъ въ кругъ, обводя всѣхъ суровымъ взглядомъ.

— Надъ чѣмъ смѣтесъ?.. Они такіе же воины, какъ и вы... Господь намъ дароваль побѣду, потому что наше дѣло правое, честное, святое!.. Не смѣяться надъ ними, а жалѣть ихъ надо. Стоять они передъ вами врагами въ полѣ—бей ихъ, не щади, на то и война, на то и присягали вы. А сдался онъ вамъ—святое дѣло; береги его, потому что онъ несчастный теперь. И наши въ плѣну бывали, что жъ и надъ тобой, если ты ненарокомъ попадешься, также глумиться всякая сволочь станетъ. Коли оказываль ты ему великую честь—дрался съ нимъ въ открытомъ бою, значить равенъ онъ тебѣ, тоже храбрый солдатъ, тоже присягу принималъ... Стыдно, ребята, не ждалъ я отъ васъ этого! Солдатъ не звѣремъ, а человѣкомъ долженъ быть...

И, подойдя къ плѣннымъ, онъ подѣлился съ ними табакомъ; одному молодому, дрожавшему на холоду и босому—опанки, должно-быть, по пути стерлись—послалъ у себя сапоги сыскать...

— Богъ намъ ихъ въ руки отдалъ не на насмѣшку. Война большое, Божье дѣло. Тутъ надо съ чистымъ сердцемъ!

Съ тѣхъ поръ уже подобныя сцены не повторялись. Когда и въ другой ротѣ, бывало, некстати разойдутся солдаты (партіи плѣнныхъ попадались

все чаще и чаще), наши остановятъ и не дадутъ бѣдняковъ въ обиду.

Около Журжева, колоколни и башни котораго на этотъ разъ тонко рисовались на просвѣтлѣвшихъ небесахъ, мы отдыхали приваломъ въ какой-то румынской деревнѣ. Только что поставили ружья въ козлы, высланные впередъ кашевары у котловъ завозились раздавать кашицу, какъ около послышалось :

— Здорово, молодцы!..

Маленькій сѣдой генералъ, зоркій, веселый и живой, несмотря на годы, обходилъ насъ.

— Изъ Россіи?

— Точно такъ, ваше—ство!—слышалось въ рядахъ.

— Устали, поди?

— Никакъ нѣтъ!—весело отвѣчала наша рота.

— Ай да богатыри! Не устали? И ноги не болятъ?

— Нѣтъ, ваше—ство...

— И сейчасъ на турокъ готовы?

— Постараемся...

— А пулямъ кланяться будете?..—и не докончилъ, увидѣлъ Сергѣя Токмакова, руками всплеснулъ...

— Дядька. Ты, что ль? Отецъ командиръ!

— Онъ самый!—радостно отвѣчалъ старый солдатъ. — Онъ самый, фельдфебель первой гренадерской роты Сергѣй Токмаковъ, ваше—ство.

Но генералъ швырнулъ куда-то фуражку и съ обнаженной головой шелъ къ нему, еще на ходу протягивая ему руки...

— Сухо дерево—завтра пятница, какой еще молодецъ! Давай Богъ... Вотъ свидѣлись-то гдѣ, отецъ.

Онъ горячо обнялъ и расцѣловалъ Токмакова, потомъ къ намъ обратился.

— Вотъ, господа! Я юнкеромъ былъ, а его ко мнѣ дядькой учить меня царской службѣ назначили. И жили мы съ нимъ душа въ душу безъ малаго двадцать пять лѣтъ. Сколько разъ онъ меня выручалъ, пожалуй, и не счесть... А на Малаховомъ курганѣ своею грудью заслонилъ. Въ большемъ и неоплатномъ я у тебя долгу...

И онъ еще разъ обнялся и расцѣловался съ нимъ!.. Потомъ взялъ его, и они долго ходили по площадкѣ румынскаго села, бесѣдуя о далекихъ временахъ, когда оба были молоды и сильны... Опять подошли къ намъ, и генералъ, только сейчасъ опомнившись, обернулся къ нему.

— Да какъ ты опять сюда попалъ?

— Какъ же, ваше—ство, молодого солдата въ дѣло пустить такъ, безъ призору.

— Батюшки!.. Да вѣдь это и полкъ - то нашъ. Вотъ форму измѣнили—и не узнать!

— Онъ самый... И рота та, гдѣ ваше превосходительство потомъ изволили взводнымъ быть.

— Въ самомъ дѣлѣ... Родные... Ну, Токмаковъ, утѣшилъ ты меня... Лучшаго праздника я и не ждалъ себѣ... Ну, ребята, я ужъ сегодня съ вами!..

Онъ собралъ офицеровъ, позвалъ Токмакова и цѣлый вечеръ рассказывалъ намъ про былое, и въ этихъ рассказахъ фигура нашего стараго фельд-фебеля выростала до какихъ-то героическихъ, легендарныхъ размѣровъ... Мы и не слышали о подвигахъ, которые были живы въ памяти его сверстника-генерала... Когда мы разошлись по избамъ, старые

товарищи остались вмѣстѣ и чуть не до разсвѣта бесѣдовали :

Бойцы поминали минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они!..

Уѣзжая, генераль звалъ Сергѣя Токмакова съ собой, но тотъ рѣшительно отказался.

— Я съ ротой...

— До какихъ же поръ ты будешь съ ними?

— А какъ окрестятся огнемъ... да привыкнутьъ, чтобы нашему славному полку сраму отъ нея не было...

— Понимаю тебя... Ну, давай Богъ еще встрѣтиться... сухо дерево—завтра пятница!

И друзья разстались.

— Да, были орлы въ наше время!..—задумчиво говорилъ потомъ Токмаковъ.

— И еще будутъ, Сергѣй Ефимычъ.

— Будутъ... Ужли жъ не быть. Не оскудѣла матушка Россія... Слава Богу... А только теперь они еще орлята, когти не отросли, и клювы не пробованы!...

III.

Подъ Плевну.

Нашъ полкъ не долго оставался на берегу Дуная.

Не успѣли мы выйти оттуда, какъ насъ нагнало распоряженіе передвинуться къ какой-то деревнѣ напротивъ Рущука и стать тамъ. Румыны встрѣтили насъ непривѣтливо, воды нельзя было допроситься у нихъ—и за все про все съ насъ они

требовали денегъ. Токмаковъ только головой качалъ, глядя на нихъ.

— Совсѣмъ испоганился народишко... И прежде грошъ ему цѣна была, а теперь ишь какими канальями обернулись!

— А что?—спрашиваю я его, думая, что онъ передастъ мнѣ что-нибудь изъ первыхъ своихъ впечатлѣній въ этомъ краю, и не обманулъ.

— То-есть, сколько мы за нихъ здѣсь крови пролили! Тогда, какъ мы здѣсь впервой были, тяжело имъ отъ турокъ приходилось,—не знали они чѣмъ угостить, куда посадить насъ... Память у нихъ коротка. Въ Журжево вступали, помню, куконны эти ихнія на колѣняхъ по обѣ стороны дороги. Народъ весь тоже... А теперь поди-ка! За воду и то галаганъ имъ подай... Ожидовѣли на волѣ-то!.. Неужели и съ болгарами будетъ то же? Тоже забудутъ, какъ имъ сладко было съ турками жить... Вся эта нація не стоящая, одно только, что вѣрують по-нашему, да ихніе попы... что кавалеръ какой съ куконной подъ ручку! И смотрѣтъ-то зазорно.

Мы, разговаривая, подошли къ Дунаю.

Осень на этотъ разъ улыбнулась намъ чудными погодами, точно въ послѣдній разъ побаловать хотѣла. Великая славянская рѣка, вся голубая, тихо струилась вдали, раздѣляясь здѣсь на рукава. Мягко золотились ея песчанья отмели; изумруднымъ блескомъ ласкали глаза рощи, выросшія по ея островамъ... Солнца было столько, что поневолѣ хотѣлось зажмуриться. Вдали подъ ними, точно марево, виднѣлись острые и тонкіе минареты Рущука, уже знакомаго намъ по реляціямъ и корреспонденціямъ... Тишина здѣсь стояла такая, что

не вѣрилось въ боевыя легенды, уже мерещившіяся надъ этими чудными мѣстами. Сергѣй Токмаковъ долго смотрѣлъ вдаль...

— Что, Сергѣй Ефимычъ, бывали вы тамъ, поди?

— Всякое мѣстечко знаю... Бываль... Молодые мы тогда были здѣсь. Еще и нашивокъ у меня не было... Ефрейторскія мнѣ дали ужъ тамъ, за Дунаемъ... Да, пожито-пожито!.. Надо правду сказать, много я тамъ навидался. Помогъ Господь послужить! Пускай молодые теперь... Вонъ на томъ мыскѣ—голый онъ теперь, а тогда бѣдовая заросль стояла тамъ. Три ночи мы сидѣли, хоронясь. Языка добывали. Ну, на четвертую подстерегли турецкую лодку съ ихними аскерами (солдатами) — и взяли ихъ глотомъ... Попуцали они маленько изъ своихъ ружьишекъ, одного нашего ловко уложили, а только все-жъ мы ихъ предоставили... А тамъ вонъ — что на той сторонѣ горка—было у насъ здоровое дѣло. Нашъ взводъ таборъ ихній окружилъ. Кабы тогда свои во-время не выручили—тамъ бы нашъ конецъ и былъ. Часовъ пять мы каремъ отбивались. И живыхъ насъ оставалось самая малость... Думали, всѣ помремъ... А сдаваться чтобы—между собой зарокъ положили: кто о сдачѣ первый крикнетъ, чтобы сосѣдъ его на штыкъ посадилъ. Вотъ мы какіе тогда были!.. Главнокомандующій пріѣзжалъ благодарить. У меня и Егоріи за это дѣло за самое.

Наконецъ и намъ объявили походъ.

Медленно вытянулся полкъ на высокомъ обрубѣ дунайскаго берега.

Служили молебень. Горячо и благоговѣйно молились солдаты, глядя въ ожидавшія насъ голубыя

зарѣчныя дали. Каждому невольно приходило въ голову, не ему ли первому суждено сложить свои кости въ томъ таинственномъ просторѣ, откуда долетали къ намъ до сихъ поръ только чудныя вещи о героическихъ, сказочныхъ подвигахъ нашихъ богатырей. Страха не было. Никто не дрожалъ за себя, но воспоминаніе невольно рисовало далекую теперь родину, которую многимъ изъ насъ не придется увидать. Молебенъ окончился; полковой командиръ хотѣлъ было сказать что-то, но не вышло. Онъ улыбнулся и неожиданно закончилъ:

— Товарищи! Служили вмѣстѣ вѣрой и правдой и впредь будемъ такъ. Въ опасномъ мѣстѣ вы всегда увидите меня; а кому Богъ смерть пошлетъ, объ этомъ и думать нечего... Кончина въ бою—лучшій жребій для воина... Вы знаете меня, а я—васъ. Намъ и разговаривать много не зачѣмъ, съ Богомъ—маршъ!

Барабаны забили походъ, мы построились въ колонны и двинулись внизъ, точно въ тучѣ, пропадая въ клубахъ сѣрой дунайской пыли... Зимница исчезла въ этой пыли позади... Съ музыкой мы прошли рѣку по понтонному мосту. Вотъ систовскій берегъ—свидѣтель перваго подвига нашихъ войскъ въ эту войну. Вотъ само Систово со своими тонкими минаретами, тонувшими на этотъ разъ въ безоблачныхъ небесахъ. Черезъ нѣсколько переходовъ Горный Студень, обезлюдѣвшія поля Болгаріи, безлѣсный просторъ, по которому еще недавно могучею лавиной прокатились наши арміи. Изрѣдка намъ попадались транспорты раненыхъ. Ихъ везли въ телѣгахъ по сквернымъ дорогамъ. Стоны слышались оттуда. Я думалъ, не произ-

ведеть ли это скверное впечатлѣніе на нашихъ солдатъ? Нѣтъ, только хмурятся да крестятся... Какъ-то одинъ изъ раненыхъ приподнялся на локтяхъ въ темнотѣ, окинулъ насъ воспаленными глазами.

— Ну, братцы, мы поработали — теперь вашъ чередъ...

— Небось, не осраимся! — тихо отвѣтили молодые солдаты разомъ со мною.

— То-то...

Я искренно обрадовался этому. Вліяніе Токмакова сказывалось.

Кто ни проѣзжалъ, всякій удивлялся молодецкому виду нашей роты. Тутъ и отвѣчали и смотрѣли бодрѣе. Обнаруживалась особенная боевая подготовка. На бивакахъ, на отдыхахъ, по всякому малѣйшему поводу, старый фельдфебель не упускалъ случая передать какой-нибудь рассказъ изъ прошлаго нашего полка и нашей роты. Казалось, передъ Токмаковымъ живыми еще стояли всѣ его старые товарищи; онъ видѣлъ ихъ, говоря о нихъ; передъ нимъ воскресали яркія были, и, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, природа человѣческая оказывалась великодушною. Переживало только великое, благородное, самоотверженное. Зло уходитъ въ потемки, ему не стало мѣста на памяти сердца... Понятно, что должно было расти на душѣ у слушавшаго; я видѣлъ, какъ ихъ глаза тоже разгорались, какъ высоко дышали ихъ груди подъ сѣрыми шинелями...

Октябрь засталъ насъ подъ Боготой.

Мы долго стояли около. Въ половинѣ этого мѣсяца объявленъ намъ былъ смотръ.

Полкъ почистился, оправился. Намъ сказывали, что тотчасъ же послѣ этого насъ двинуть подѣ Плевну.

Молодые солдаты впервые видѣли главнокомандующаго.

Старый фельдфебель во время смотра стоялъ въ сторонѣ, но и онъ былъ замѣченъ великимъ княземъ. Увидѣвъ вытянувшася старика безъ погонь, но съ «Георгіями», его высочество спросилъ о немъ у корпуснаго командира, которому уже было извѣстно все со словъ нашего полковника.

— Здорово, старый товарищъ!..—подскакалъ къ нему главнокомандующій.

— Здравія желаю вашему императорскому высочеству!—отчетливо отвѣтилъ Токмаковъ, глядя въ лицо великаго князя.

— Ты—Токмаковъ?—ласково оглядѣлъ онъ его.

— Точно такъ-съ, ваше императорское высочество.

— Пришелъ съ прежнимъ своимъ полкомъ? Примѣръ показать молодымъ солдатамъ? Спасибо тебѣ за службу. Поцѣловалъ бы тебя, да съ коня сойти некогда... Еще не разъ встрѣтимся здѣсь. Еще разъ спасибо...

— Радъ стараться, ваше императорское высочество!

— У тебя три Георгія... Домой вернешься съ четвертымъ... Э тотъ я ужъ самъ на тебя надѣну послѣ перваго дѣла!.. Ну-ка, товарищъ, въ строй... Хочу видѣть тебя съ твоею ротой!..

Каждое слово отдавалось въ сердцѣ молодыхъ солдатъ... Старый фельдфебель точно выросъ еще послѣ этого неожиданнаго привѣта.

Главкомандующій вслѣдъ за этимъ поздравилъ насъ съ походомъ, и мы весело двинулись впередъ.

Солнце, казалось, только этого и ждало, чтобы закатиться совсѣмъ.

Послѣ этого мы его не видали долго. Скверная болгарская осень днемъ кутала насъ своими холодными туманами, вечеромъ и ночью обливала студеными дождями. На дорогахъ стояла какая-то бездонная грязь, въ которой ноги скользили и расходились. Трудно было ихъ вытащить изъ этой клейкой массы... Мокро! На насъ сухой нитки не было; въ окрестныхъ деревняхъ началась оспа, гнилая горячка. Больные и здоровые болгары ютились въ грязи, и мы съ ними. Бывало, остановимся въ какой-нибудь деревушкѣ—хоть вонъ бѣги на дождь и холодъ отъ ужаса землянокъ. Въ углу стонетъ умирающій, обводя насъ воспаленными взглядами, у костра грѣются дѣти и не могутъ согрѣться. Дрожа отъ стужи, хозяйка печетъ кукурузу и сырую даетъ имъ въ руки... Ъдятъ скудно, живутъ грязно. Чадъ горящаго кизяка, запахъ тифознаго больного—смерть просто!

Тутъ-то и показалъ себя нашъ старикъ.

Если молодежь не растерялась и не переболѣла, она этимъ была обязана ему.

Онъ ободрялъ ихъ, поддерживалъ «сердце», какъ говорили у Скобелева.

— Коли «духъ» есть, и болѣзнь не хватить! Ты думаешь, негдѣ тебѣ отдохнуть—ложись наземь.

— Мокро, дяденька!

— Ишь чего захотѣлъ. Сухости!.. А на мокромъ мягче! На сухомъ-то жестко, а ты въ грязи, что въ перинѣ. На то и война. Ъсть-пить хочешь?

— Хочу.

— Ну, вышей водицы: она Божья, чистая! Да закуси собственнымъ языкомъ—и вся недолга.

И онъ смѣется, и солдаты смѣются и ложатся безропотно на мокрая перины болгарской грязи.

Опухнуть ноги, бывало, отъ холода, Сергѣй Токмаковъ до походнаго лазарета не допустить. Самъ ихъ ототреть мокрою грязью, обернуть тряпьемъ, что подъ руки попадетъ, и, смотришь, солдатикъ ожилъ... Интендантство—когда зима застала врасплохъ—оказалось совершенно безсильно...

Тутъ уже то и дѣло слышался грохотъ нашихъ батарей издали.

Ни на минуту онъ не смолкалъ. Кругомъ Плевны гремѣли громы, и тысячи гранатъ падали каждый день въ укрѣпленные лагери, редуты и траншеи турокъ. Оглушительные залпы, гдѣ въ одинъ чудовищный ревъ сливали свои голоса сотни мѣдныхъ и стальныхъ жерлъ, дышавшихъ пламенемъ и смертью, въ этихъ стойкихъ гномовъ, роившихся въ землѣ и спасавшихся подъ нею отъ неминуемаго истребленія. Съ каждымъ днемъ желѣзное кольцо этихъ батарей суживалось и суживалось, прицѣлъ ихъ все уменьшалъ разстояніе, Гуще и гуще падали съ вала гранаты, а Османъ-паша все глубже уходилъ въ землю, пока у него были еще хлѣбъ и вода. Населеніе Плевны голодало, люди бродили, какъ тѣни. Разъ, но ежедневно, всѣ батареи въ одинъ и тотъ же моментъ били по заранѣе намѣченному пункту, сегодня по одному, завтра по другому, послѣ завтра по третьему; на этихъ редутахъ казалось наступалъ послѣдній часъ міра, точно небо, разверзаясь, сыпало на него ми-

ряды молній. Тысячи гранатъ зарывались въ него, лопались, сметали насыпи, рвали въ куски сотни людей; въ грозномъ ревѣ четырехсотъ орудій, будто капля въ морѣ, терялись ихъ предсмертныя стоны... Завтра вырасталъ новый редуть, и новыя сотни роющихся въ землѣ гномовъ прятались за ихъ насыпями... Было ясно: рано или поздно Плевна должна быть сметена нашими батареями съ лица земли, но отчаяніе защищающихся здѣсь, вѣрно, доходило до ужаса.

— Слышали, дѣтки?—улыбается, бывало, Токмаковъ.

— Чего это?

— А музыка какая. Пушечки наши!.. Точно громъ небесный... А вамъ еще, вишь, холодно да голодно... Имъ-то, туркамъ, поди, куда хуже... Имъ жарко отъ нашего огня. Они бы рады холодку... Лишь бы ихъ въ покоѣ оставили, не трогали.

Еще черезъ нѣсколько дней мы уже были на позиціяхъ.

Предъ нами была цѣлая сложная система положихъ горныхъ кряжей и лоцинъ. Налѣво—плосковерхій гребень, обрушивающійся внизъ, на его темени могучій редуть, валы нѣсколькихъ батарей, внизъ ползуть зигзаги ложементовъ и траншей. Въ выемкахъ между рядами откосовъ, въ складкахъ горъ прятались болгарскія села. Крытыя соломой землянки ихъ сливались съ голыми полями кругомъ, только жалкія на видъ церкви убого выдѣлялись темными пятнами. Тамъ—безлюдье. Ни жизни ни движенія. Вотъ непріятельскія батареи... Воображеніе отыскивало въ нихъ амбразуры, а въ амбразурахъ—жадные жерла на-

правленныхъ на насъ орудій. Батареи эти вѣнчали выступы горъ и обстрѣливали наши позиціи вѣеромъ. За батареями чуть мерещится бѣлая Плевна, точно марево, слегка дрожащее и колеблющееся въ воздухѣ... Вотъ-вотъ, кажется, уйдетъ изъ глазъ, пропадетъ безъ слѣда. Въ бинокль ясенъ этотъ злополучный городъ. На высотахъ горъ бѣлые дымки, точно клочки освѣщенныхъ облаковъ. Дымки эти—кольцомъ вокругъ Плевны и ея укрѣпленныхъ лагерей. Это выстрѣлы нашихъ батарей; цѣлый день эти облачка стоятъ здѣсь, и цѣлый день гремитъ громъ на вершинахъ, лежащихъ около Плевны. Молчатъ и таятся турецкія батареи, храня свои грозы до послѣдняго дня. Въ то самое время, какъ мы заглядываемся на эту громадную панораму, бывало, разгорался артиллерійскій бой, и все тонуло въ его стихійномъ грохотѣ...

Съ позиціи, гдѣ мы стояли, старый фельдфебель то и дѣло водилъ молодыхъ на батарею, выдвигавшуюся впередъ.

— Куда вы ихъ?..

— Покрестить маленько... Пусть привыкаютъ, потомъ не такъ страшно будетъ.

А тамъ, на батареяхъ, уже готовятъ... Бывало, пушка грянетъ, точно чья-то желѣзная грудь крикнетъ, и, словно исполинскій стальной бичъ, разсѣкаетъ воздухъ несущаяся къ туркамъ первая граната. Вздогнутъ молодые солдаты. Токмаковъ при бравыхъ артиллеристахъ срамитъ ихъ... Секунды проходятъ, а тамъ, куда полетѣлъ нашъ стальной подарокъ, не видать ни дыма ни разрыва.

— Есть!—торжествующе кричитъ кто-то.

Разглядѣлъ, что въ турецкой батарее взорвались вверхъ земля и камень.

— Ну-ка еще!—командуетъ офицеръ.

Еще разъ стонетъ желѣзная грудь, граната падаетъ въ батарею.

Видно, какъ оттуда бѣжить во все стороны народъ.

Но и турки не остаются въ долгу.

Вонъ и тамъ ахнула желѣзная грудь дальнобойнаго орудія... Бѣшено принеслась къ намъ граната и разорвалась позади батареи. Молодые солдаты невольно пригнулись.

— Чего ты имъ кланяешься?.. Экъ онѣ васъ напугали,—смѣется надъ ними Токмаковъ.

Потомъ ихъ же поучаетъ:

— Ты помни одно: та граната или пуля не страшна, которая выпущена изъ дула, страшна та, что въ дулѣ сидитъ!..

А самъ вернется—улыбается.

— Чего вы это, Сергѣй Ефимычъ?

— На своихъ радуюсь. Будетъ толкъ изъ нихъ. Молодцами за свой полкъ постоятъ.

Л

В ъ д ѣ л ѣ .

Скоро, впрочемъ, Сергѣй Ефимычъ совсѣмъ успокоился.

Какъ-то ночью нашу роту подняли.

Насъ вывели изъ деревни, гдѣ мы стояли, построили въ колонну. Какой-то инженерный полковникъ обратился къ командиру:

Старый фельдфебель.

— Умѣютъ ваши молодцы траншеи рыть?

— Учились...

— Ну, вотъ... Сегодня намъ придется выдвинуться поближе къ туркамъ... Такъ зароемся, братцы, какъ слѣдуетъ. Надо идти тихо. Помните: весь успѣхъ дѣла отъ этого зависитъ. Пѣть станете, шумѣть или разговаривать—ихніе секреты васъ разслушать.

Мы, дѣйствительно, двинулись впередъ, какъ мыши. Самое чуткое ухо не могло бы ничего слышать... Земля была мягка, и шума нашихъ шаговъ нельзя было различить и вблизи. Шанцевый инструментъ пригнали такъ, что онъ не стучался о ружья... Ночь ярко горѣла на этотъ разъ всѣми своими звѣздами... Мы шли уже болѣе часу, какъ вдругъ передъ собой различили какіе-то силуэты.

Тутъ оказались ямки и валики одиночныхъ, выдвинувшихся далеко впередъ, стрѣлковъ, которые еще вчера били отсюда по туркамъ. Насъ удивило, что Токмаковъ былъ не съ нами, но какъ только развернулась шеренга по направленію къ проектированнымъ траншеямъ, такъ высокая и худощавая фигура стараго нашего фельдфебеля показалась около.

Солдаты сами понимали важность и опасность дѣла. Лопата не встрѣчалась съ лопатой, никто не кашлялъ, не разговаривалъ. Каждый чуялъ, что близко могутъ лежать въ секретахъ турки, слѣдовательно надо было держать ухо востро.

Командовали шопотомъ.

Офицеры передавали приказанія чуть не на ухо солдатамъ. Я думаю, никогда еще руки не работали такъ быстро. По всей линіи мягкіе комья

земли взбрасывались и падали на мало-по-малу замѣтно поднимавшуюся насыпь новоявленной траншеи. Черезъ два часа она уже углубилась на аршинъ. Кто-то изъ очереди, бывшей на отдыхѣ, закурилъ трубочку...

— Ты что это?— подошелъ къ нему Токмаковъ.

— Покурить, Сергѣй Ефимычъ.

— А какъ онъ увидитъ, да въ лобъ тебѣ запалить...

И опять тишина...

Чу, что-то точно стукнуло и прокатилось по лощинѣ... Справа еще... Подхватили налѣво. Солдатики работаютъ еще быстрѣе, нервнѣе; глубже погружаются въ рыхлую землю лопаты, скорѣе взбрасываются вверхъ комья.

— Неужели разслышали? — тихо спрашиваетъ кто-то.

— Куда имъ!..—насмѣшливо звучитъ тѣмъ же тономъ Токмаковъ.—Такъ, пугаютъ.

— Для чего?

— Турки? Для очистки совѣсти... Дескать, не подбирайтесь. Мы не спимъ. Сторожимъ. А то вѣдь и опаска беретъ: какъ бы наши охотники не подползли.

Разсѣянная и беспорядочная линія выстрѣловъ пробѣжала по турецкой цѣпи и смолкла.

Опять въ тишинѣ только шуршатъ комья взбрасываемой земли.

— Славная у васъ рота!—слышится мнѣ.

— А что?—отвѣчаетъ нашъ командиръ.

— Хорошо спѣлась. Дружно работа идетъ и дисциплинирована.

— У насъ такой мастеръ есть!—смѣется капи-

танъ:—старый фельдфебель Токмаковъ. Вотъ рекомендую!

— Я слышалъ...—съ видимымъ уваженіемъ привѣтствуетъ того инженерный полковникъ,—я слышалъ... Ты здѣсь не въ первый разъ?

— Знакомыя мѣста, ваше высокоблагородіе, какъ же! Два раза былъ здѣсь... Господь привелъ въ третій. Досыта здѣшняя земля полита русскою кровью. Святая земля.

Случайно казачій разъѣздъ наѣхалъ на насъ. Мы его различили только тогда, когда въ темнотѣ вдругъ смутно обрисовались передъ нами всадники съ пиками въ рукахъ... Такъ же тихо и незамѣтно они исчезли въ сторонѣ. Тѣ же пики и кони слились въ одну темную полосу, въ свою очередь, исчезнувшую въ лощинѣ.

Опять стукнуло гдѣ-то и прокатилось въ лощинѣ.

На этотъ разъ безцѣльная и взбалмошная перестрѣлка турецкой цѣпи не оборвалась такъ же, какъ за нѣсколько времени предъ этимъ. Очевидно, или туманъ разсѣялся, или цѣпь ихъ подходила къ намъ, только невдалекѣ отъ насъ замелькали огоньки выстрѣловъ.

Токмаковъ зорко всмотрѣлся туда.

— На этотъ разъ почуяли!—заговорилъ онъ тихо.—Въ насъ они!.. Должно быть, изъ ихнихъ секретовъ имъ дали знать.

Дѣйствительно, нѣсколько пуль просвистало мимо... Двѣ или три чмокнулись въ мягкую и влажную землю наскоро вырытаго вала. Кто-то закладывался.

— Знакомая?—спросилъ его Сергѣй Ефимычъ.

— Что?..—отозвался тотъ.

— Или родная, что ты ей кланяешься? Солдаты только въ церкви Богу кланяется, а то и передъ государемъ долженъ прямо стоять—весело и бодро въ глаза ему глядѣть, а ты турецкой пулѣ какой почетъ оказываешь.

— Я, дяденька, такъ.

— То-то такъ. Смотри, коли еще... Старый не править—малый не разумѣть! — съ усмѣшкой обернулся онъ ко мнѣ.

На правомъ флангѣ у насъ засуетились... Тамъ кто-то былъ раненъ... Въ тишинѣ и торжественномъ молчаніи ночи слышался тихій стонъ:

— Эй, братцы, полегше... Голубчики... въ плечо вдарило...

Токмаковъ, слышу, уже тамъ.

— Ну, ну—ничего ежели въ плечо. Кость не тронуло?

— Кость?..—точно раненый впервые узналъ о ея существованіи...—Нѣтъ... Не... въ говядину въ самую...

Линія огоньковъ турецкихъ подошла ближе... Нашимъ приказано было бросать шанцевый инструментъ и залечь за готовый уже валъ.

— Ну, ребята, слушать команду... Зря не стрѣлять!.. Пуля у тебя въ ружьѣ страшнѣе врагу чѣмъ та, которая летитъ въ него.

Наши молча слушали... Въ темнотѣ ночи можно было разсмотрѣть длинный рядъ дулъ, направленныхъ въ то загадочное нѣчто, откуда порой вспыхивали выстрѣлы и гдѣ слышались крики: «Алла, Алла!..» Должно-быть, тамъ собирались атаковать нашу новорожденную траншею.

— А если врагъ добѣжитъ до валу, опять-таки встрѣтъ его по командѣ залпомъ, а потомъ на штыки прими. Главное, не теряй головы; врагъ не страшенъ, если ты самъ спокоенъ, ну, а растерялся—пропалъ...

Тѣмъ не менѣе, не надѣясь на молодыхъ, не обстрѣленныхъ солдатъ, полковникъ послалъ вызвать ближайшій баталіонъ изъ резерва.

— Помни,—доносился до меня голосъ Токмакова,—кто свою шкуру не бережетъ, тотъ на войнѣ и бьетъ. Труса вездѣ найдетъ пуля—не даромъ ихнія вороны чрезъ головы палятъ намъ. Кто остался позади—и пропалъ.

Стрѣляла, стрѣляла турецкая цѣпь, вѣрно, выжидая подхода своихъ таборовъ, «Алла, Алла» которыхъ слышалось позади, какъ и за нами вдругъ зазвучали сигналы горнистовъ... Сигналы подхвачены были направо и налево, послѣднія отзвучія ихъ пропали въ грохотъ разгорѣвшейся перестрѣлки... Теперь ужъ свинцовые шмели роями залетали надъ нами...

— Сергѣй Ефимычъ... Что-жъ это они,—недоумѣло спросилъ Токмакова молодой солдатъ,—все чрезъ голову?

— Тебя же учать, что нечего ихъ бояться...

Изъ-сзади показался нашъ баталіонъ... Онъ шелъ стройно, бодро. Видно было боевую обстрѣленную часть. Въ рѣшительный часъ и наши солдаты точно переродились... Серьезнаго раздумья, оторопѣлости какъ не бывало въ ихъ лицахъ. Смотрятъ бодро, весело... Подтянулись... Съ бьющимся сердцемъ, вперяя нетерпѣливый взоръ въ даль, мы видѣли, что турецкіе огоньки все близятся, очевидно,

и ихъ цѣпь начала наступленіе... подходящая пѣхота залегла пока сзади.

Чу, грянула первая турецкая пушка..

Граната перелетѣла далеко... Она разорвалась гдѣ-то за нами. Впереди зарылась въ землю другая. Что-то точно сталью разсѣкло воздухъ надъ нашими головами, взвизгнуло, треснуло и разсыпалось свинцовымъ дождемъ. Наша молодежь всполохнулась было; тотчасъ же здѣсь послышался спокойный голосъ Токмакова:

— Это, братцы, шрапнелью называется. Она надъ головой рвется. Шумить, точно, много, но безъ воли Божіей смерть не бываетъ...

Еще двѣ-три шрапнели разорвались надъ нами... Высоко взлетѣла у турокъ ракета, освѣщая окрестности...

И вдругъ опять тишина...

Слабѣе выстрѣлы оттуда... Огоньки отходятъ назадъ. Должно быть, турки отмѣнили наступленіе. Мы высылаемъ секреты впередъ...

— Ну, слава Богу!—облегченно вздыхаетъ Токмаковъ —Признаться, сегодня я боялся за нашихъ: дѣло ночью, и опытнымъ жутко, а ужъ такой молодятинѣ и того жутче...

V.

Ночное сраженіе.

Въ ту ночь, когда наша рота рыла новую траншею, не было «боевого дѣла» въ полномъ смыслѣ этого слова, но все-таки нашъ полкъ показалъ себя какъ слѣдуетъ. Старикъ Токмаковъ былъ доволенъ

и повторялъ: «ничего, изъ ребятъ толкъ выйдетъ». Черезъ два дня вечеромъ было получено изъ штаба приказаніе занять первый гребень изъ находившихся передъ нами, гдѣ у турокъ были траншеи, и укрѣпиться на немъ. Наканунѣ, всю долгую осеннюю ночь стояла такая густая мгла, что развѣзды, высланные на рекогносцировку, сбивались и попадали не туда, куда выѣзжали. Ожидали, что и завтра будетъ то же самое... Съ разсвѣтомъ у насъ закипѣла лихорадочная суматоха. Солдаты торопливо чистили ружья. Сами, безъ приказанія, перемѣняли бѣлье, одѣвались во все, что было лучшаго...

День былъ сырой, мрачный, холодный; такихъ за всю эту осень не помнили. Лишь бы не заблудиться, а погода—лучше не выдумать; турки ничего не разглядятъ, пока мы носъ къ носу не столкнемся съ ними. Въ туманѣ все сливалось. Когда мы выстроились, передъ нами уже стоялъ взводъ стрѣлковъ. Они вызвались первыми броситься на турецкіе шанцы... Мы со страстнымъ любопытствомъ новичковъ всматривались въ нихъ, точно хотѣли что-то прочесть въ этихъ обыкновенныхъ сѣрыхъ простыхъ лицахъ. Ни искры показного воодушевленія, героизма, чего-либо картиннаго, что мы привыкли воображать въ «чудобогатыряхъ», но эта будничность производила еще бѣльшее впечатлѣніе. Она хватала за сердце. «Совсѣмъ какъ мы», невольно думалось каждому. «Значитъ и мы могли бы быть на ихъ мѣстѣ и сдѣлать то же самое!» Подъ этою скромностью чувствовалось присутствіе настоящей русской отваги—не шумной и не хвастливой, съ которою они сродни-

лись, какъ сроднились съ сѣрою шинелью, съ лагерною палаткой. Подвигъ имъ самимъ казался самымъ простымъ дѣломъ, безъ котораго и обойтись нельзя. «Приказано — значитъ надо исполнить... Велѣно—умирай, а не велѣно—мы и жить согласны!» Такое общее «богатырство» выше личнаго, единчнаго. Оно не даетъ матеріала для эффектныхъ батальныхъ картинъ, но за нимъ другая заслуга — подвиги «боевыхъ частей» вмѣсто подвиговъ отдѣльныхъ лицъ. Это были уже обстрѣленные солдаты, но какія наивныя, довѣрчивыя улыбки освѣтили ихъ лица, когда къ нимъ подъѣхалъ Скобелевъ. Они провожали его глазами. Одинъ особенно—весь во взглядѣ: посмотри-де, какъ я стою! И грудь выпятилъ, и животъ подобралъ по формѣ—а вѣдь на смерть идетъ! Но никому изъ нихъ, очевидно, объ этой смерти и въ голову не приходило, потому что и думать о ней не стоило.

— Ну, что, ребята?.. Не осрамимся мы сегодня?—весело бесѣдовалъ съ ними генералъ.

— Постараемся, ваше—ство...

А что постараемся—пока, видимо, сами не даютъ себѣ отчета.

Скобелевъ улыбается, зорко всматриваясь въ черныя фигуры передъ собою. И всматривается и вслушивается, точно по голосамъ ихъ рѣшаетъ, на что онъ можетъ надѣяться съ ними. А между тѣмъ у самого на лицѣ отражается все бѣлая и бѣлая увѣренность, что дѣло сегодняшняго дня удастся. Есть необыкновенно тонкія душевныя связи между полководцемъ и его солдатами: они мгновенно понимаютъ другъ друга; часто взгляда, при-

вѣта съ одной и отвѣта съ другой стороны достаточно, чтобъ явилось взаимное пониманіе и безза-вѣтная вѣра.

— Не осрамитесь?—уже смѣясь самъ этому предположенію, повторяетъ онъ.

— Никакъ нѣтъ... Мы рады!—согласно бѣжить по рядамъ.

— Смотрите, не зарываться. Не Плевну брать идете, а только выбить турокъ изъ ихъ траншеи и занять ее... Значить: дорвались и садись туда. Не больше—слышите!

Теперь уже, очевидно, онъ прочелъ по лицамъ солдатъ то, что у нихъ на душѣ, и боится не недостатка мужества, а излишества увлеченія.

— Постараемся!..—А сами еще веселѣе глядятъ, такъ весело, что за нихъ даже жутко дѣлается.

— То-то... Тутъ дѣло не въ храбрости, а въ послушаніи. Сказалъ тебѣ начальникъ «стой», такъ хоть и желалось бы погнать непріятеля дальше,—ни съ мѣста. А турокъ бояться нечего...

— Мы не боимся!..

И, дѣйствительно, по глазамъ видно, что не боятся.

— То-то... Они солдаты хорошіе, а мы ихъ лучше. Помните Ловчу, какъ мы ихъ били?—И на лицѣ у него точно какой-то отблескъ скользить.—Помните, какъ вы ихъ погнали?

— Помнимъ!—радостно звучить уже изъ рядовъ; то же радостное выраженіе отражается и на солдатскихъ лицахъ.

— А какъ дрогнули они, а? Не ждали они! Прямо въ самыя морды вы имъ «ура» крикнули.

— Они отъ насъ всею ордой побѣжали!—уже за

свой счетъ отзывается улыбающійся во весь ротъ солдатъ.

— Ты былъ тогда со мной... Изъ старыхъ, должно быть?..

— Я съ ваше—ствомъ и редуты эти самыя подъ Плевенемъ бралъ...—уже совсѣмъ счастливъ тотъ.

— Ну, вотъ, братцы, видите... Дѣло не трудное—вѣдь эти самыя позиціи наши были.

— И опять будутъ, ваше—ство! Постараемся.

Къ намъ (я догналъ своихъ и сталъ въ ряды) генералъ приѣхалъ позже и озабоченно вглядывался въ наши лица; казалось, ему хотѣлось прочесть, каковы мы будемъ въ сегодняшнемъ трудномъ дѣлѣ. Осрамимся, или нѣтъ. Вѣры въ новичковъ не было! Слѣдовало сдѣлать что-нибудь, что подняло бы духъ солдатъ... Съ опытностью настоящаго боевого психолога генералъ нашелся.

— Гдѣ тутъ старый фельдфебель вашъ?—спросилъ онъ, подѣхавъ къ ротѣ.

Токмаковъ вышелъ изъ рядовъ и вытянулся.

Скобелевъ зорко всмотрѣлся въ него и снялъ шапку.

— Поклонъ тебѣ, старикъ, отъ насъ отъ всѣхъ. Легко было дѣло дѣлать съ такими орлами!

Потомъ обратился къ намъ, къ офицерамъ.

— Въ лицѣ Токмакова, господа, я вижу связь вашей молодой части со старыми побѣдоносными нашими арміями. Онъ—живой образчикъ ихъ славной исторіи. Еще разъ поклонъ, старикъ!—И онъ опять высоко поднялъ шапку.

Что-то сверкнуло въ глазахъ у Сергѣя Ефимыча.

— Были у меня такіе, когда мы съ горстью храбрыхъ брали въ Средней Азіи цѣлые города,

завоевывали ханства!.. Были, и еще будутъ—вѣдь вотъ явился ты къ своему полку!.. Велика та армія, гдѣ такіе солдаты встрѣчаются...

— Радъ стараться, ваше—ство!

— Гдѣ труднѣе будетъ—выручай! И смотрите, беречь у меня старика, не выдавать его. Если вы да позади останетесь, а его впередъ пустите и потеряете, то—и на глаза мнѣ не попадайтесь потомъ. Я и командовать вами откажусь!

Скобелевъ останавливается... крестится.

Точно вѣтеръ проснулся въ молодой листвѣ—тихий шорохъ бѣжитъ по рядамъ. Крестятся офицеры и солдаты. Каждый читаетъ про себя молитву, каждый теперь точно въ свою душу и сердце смотреть. Кто знаетъ, быть-можетъ, нѣкоторымъ не останется даже мгновенія, чтобы падая обратить взглядъ свой къ этому сѣрому небу, по которому теперь тяжело ползутъ низко нависшія тучи, и поручить Богу свою отлетающую душу.

— Стройся!—тихо звучитъ команда.

Впереди длинная цѣпь стрѣлковъ широко, вѣромъ, разбрасывается, утопая въ туманѣ. Черезъ минуту, напрягая зрѣніе, мы уже не видимъ ихъ вовсе. Шума ихъ шаговъ по мягкой и влажной землѣ тоже не слышать.

— Съ Богомъ!—тихо командуетъ намъ генераль. Мы двинулись...

Около часу мы двигались такимъ образомъ, тихо-тихо. Въ моей памяти осталось неопредѣленное впечатлѣніе холмовъ, которые мы покидали за собой, лощинъ, гдѣ оставались менѣе рѣшительные,—неизбѣжная печальная подробность каждаго боя! Надо отдать справедливость—у насъ та-

кихъ было очень мало. Насъ отовсюду охватывала сѣрая и густая мгла. Мы часто въ ней ничего не видали передъ собой. Турецкія позиціи уже недалеко. Вотъ онѣ въ этой загадочной дали... Мы ихъ скорѣе предчувствуемъ, чѣмъ видимъ. Сердце начинаетъ биться сильнѣе. Взглядъ стремится проникнуть сквозь всѣ преграды—и туманъ, и холмы—чтобъ увидѣть, что тамъ за ними ждетъ насъ. Я тоже всматривался и вслушивался... Не грянетъ ли оттуда выстрѣлъ чуткаго часового... Но скоро туманъ сталъ еще гуще... Мгла кутала черные силуэты стрѣлковъ въ нашей цѣпи, а слѣдовавшаго передъ нами отряда охотниковъ мы уже давно не видали, точно его и не бывало никогда. И какая тишина! Зловѣщая, словно что-то подстерегающая.

— Слава Богу!—слышится подлѣ меня.

Я различаю голосъ Скобелева.

«Чему онъ радуется?» думаю и понять не могу.

— Слава Богу... Дѣло обойдется безъ большихъ потерь...

Но какъ разъ въ это мгновеніе—сухой звукъ одиночнаго выстрѣла. Онъ точно въ сердцѣ cadaго изъ насъ отдался. Это не трусость, нѣтъ. Это другое совсѣмъ. Это значить: «вотъ начинается, теперь сейчасъ будетъ... сейчасъ сейчасъ!»

Кто-нибудь на турецкихъ аванпостахъ угадалъ насъ.

Минута молчанія. Вотъ выстрѣлъ съ другой уже стороны. И тамъ, значить, почували... Слава Богу, наши не поддались соблазну начать беспорядочную стрѣльбу по невидимому во мглѣ непріятелю... не отвѣчаютъ... Налѣво затрещало: тамъ турки точно сослѣпу открыли огонь; по суетливости, без-

порядочности и разсѣянности его, очевидно, они еще ничего не знаютъ, только показалось имъ что-то — и они насторожились и давай трескомъ и огнемъ сами взбадривать себя «на всякій случай». Мы понимаемъ смыслъ этой нелѣпой трескотни. Читаемъ по ней о томъ, что дѣлается въ сердцахъ у защитниковъ траншеи. И солдаты понимаютъ: «Ишь всполыхнулись несуразные!» шепчетъ одинъ около меня. «Пужаются сослѣпу!» сочувственно отзывается другой.

— Наши, должно-быть, ужъ близко.

— Не видать.

Туманъ, точно завѣса съ неба, между нами и идущими впереди.

— За мной, братцы!

Кто крикнулъ? Точно изъ чьей-то металлической груди вырвался полный захватывающаго энтузіазма крикъ... «За мной, братцы!»—должно-быть, офицеръ у охотниковъ! Чу, точно вихрь слышалось общее «ура!» подхваченное оглушающими громами непріятельскихъ залповъ, раскатами барабановъ. Мы еще ничего не видимъ, но насъ уже обдало горячимъ ливнемъ пуль. Первые стоны замерли въ общемъ гулѣ атаки, незримой и потому еще болѣе зловѣщей.

Этотъ вихрь все растетъ и растетъ. Въ своемъ бѣшенномъ движеніи онъ подхватываетъ и уноситъ съ собой самыхъ малодушныхъ. Что-то стихійное, въ чемъ тонетъ жуткость мысли, инстинкты самосохраненія. Чувствуешь себя частью, атомомъ общей бури и летишь въ ея головокружительномъ порывѣ. По сторонамъ падаютъ такіе же люди, но на первыхъ порахъ ихъ не замѣчаешь. Одно чув-

ство подымается въ душѣ: «скорѣе, скорѣе». Несешься впередъ, какъ лавина, и если бы у лавины было сознаніе, она бы такъ же стремилась съ неукротимымъ желаніемъ все снести прочь передъ собой. Все, все... Все, что смѣетъ стать на ея пути!

Стрѣлковая цѣпь и охотники сдѣлали свое дѣло.

Изъ передовыхъ ложементовъ непріятель былъ выбить, но позади за нимъ еще стояли грозныя траншеи... Теперь должна была начаться роль мѣхъ солдатъ—и, странное дѣло, въ эту минуту во мнѣ замерло личное чувство, боязнь за себя... Напротивъ, все, казалось, сосредоточилось на томъ, какъ бы наши не осрамились, какъ бы старая слава полка не погасла въ эту зловѣщую и мглистую ночь.

— Ваше благородіе!—вдругъ послышался около меня голосъ Токмакова.—Капитанъ приказали—извольте итти. Пора! Надо подпереть цѣпь—«уройх его взять. Здорово онъ за свои валы засѣлъ...

Предъ нами былъ довольно-таки крутой склонъ горы.

Я не помню, какъ взбѣжалъ туда: что-то въ груди дрожало, что-то изнутри стремилло меня впередъ, не давая мысли ни на чемъ остановиться. Разъ явилось сознаніе сдѣлать это—что-то мѣшало отдѣльнымъ идеямъ, опасеніямъ, впечатлѣніямъ разбить это сознаніе, лишитъ его захватывающей силы. Смутно рисуется мнѣ до сихъ поръ зрѣлище, явившееся вверху. Туманъ тамъ не былъ такъ густъ. По яркой линіи огня, врывавшагося въ эту мглистую тьму, мы замѣтили, что въ наступленіе перешли значительныя силы врага. Пули со злобнымъ шипѣніемъ и чмоканьемъ уходили во

влажную землю; жужжа, точно осы, носились у самых ушей, сливали свои разнообразные звуки съ глухими стопами раненыхъ и пронзительными воплями непріятельскихъ таборовъ. Сотни гранатъ съ зловѣщимъ визгомъ пролетали въ высотѣ, вспыхивали и гасли безчисленныя созвѣздія шрапнелей, сѣя вокругъ страданіе и смерть, но странно, и эти стоны, и эти страданія и смерть проходили точно стороной. Мы ихъ не замѣчали, намъ некогда было на нихъ остановиться... Что-то болѣе могучее росло въ душѣ! Я не знаю, это ли называется боевымъ воспитаніемъ, но я понялъ одно, что это именно и даетъ побѣду!

Мы все подвигались, какъ вдругъ наши ряды наткнулись на пріостановившихся стрѣлковъ.

Передъ ними между наступающею сверху массой турокъ и нашими рядами теперь подымалось смутно что-то черное, неопредѣленное, пропадавшее во мракѣ налѣво и направо. Тамъ, за этимъ *чернымъ*, слышался какой-то глухой шумъ, сверхъ этого *чернаго* вспыхивали багровые огоньки выстрѣловъ. Позади ихъ взрывались крики: «Алла! Алла!» съ рѣзкими звуками чьей-то команды и меланхолическимъ пѣніемъ турецкихъ сигнальныхъ рожковъ.

Пишешь это теперь, и кажется, что проходили часы,—а все здѣсь совершалось мгновеніями... разомъ укладывалось въ памяти, и воображеніе работало съ поразительною быстротой.

«Брустверь ихній!» сообразилъ я.

— Теперь главное—не давать нашимъ стоять, а то назадъ побѣгутъ,—проговорилъ около нашъ командиръ и вдругъ звучно, весело, радостно крикнулъ:

— Ну, ребята, пора кончать! Съ Богомъ!—и кинулся впередъ.

Токмаковъ первый бросился за нимъ.

— Не дайте мнѣ, старику, пропасть!—крикнулъ онъ, уже поднимаясь на брустверь.—Не выдавай, дѣтки!

Оба быстро вбѣжали, и за ними темною массой бросилась наша рота, вся оцетинившись ружьями на перевѣсѣ. Какъ потомъ оказалось, «дѣти» дѣйствительно не выдали «старого фельдфебеля». Они сбили его съ ногъ, даже такъ, что вмѣсто того, чтобы напороться на штыкъ турецкаго аскера, Токмаковъ покатился по рыхлой землѣ внизъ, и черезъ него моментально пробѣжали десятки ногъ...

Старикъ долго не могъ подняться. «Долго»—это кажется теперь, а тогда все исчислялось мгновеніями. Но когда ему удалось, наконецъ, выпрямиться—бой уже кипѣлъ предъ нимъ, и онъ въ вечернемъ мракѣ смутно различалъ только силуэты нашихъ солдатъ.

Мгновенія штыкового боя кратки.

Я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета въ томъ, что творилось въ этомъ узкомъ рву траншеи. Помню только, что когда мы всѣ опомнились, по сторонамъ корчились умирающіе, впереди съ криками «аманъ-аманъ» бѣжали выбитые штыками защитники траншеи, а наши солдатики, тяжело дыша, сидѣли на банкетахъ бруствера, очевидно, не понимая еще, что сдѣлано ими, и только отводя усталъ и собираясь съ новыми силами.

— Спасибо, молодцы!—крикнулъ ротный командиръ, обходившій теперь занятую траншею.—Чего съ вами не сдѣлаешь—невозможнаго дѣла нѣтъ!

Старый фельдфебель.

Ну, старикъ, поцѣлуй меня. Ты показалъ имъ сегодня, какъ должно солдату вести себя. Теперь намъ бы отстоять здѣсь, пока подойдутъ наши.

— Отстоимся! Теперь ли не отстояться...

Недолго продолжался нашъ отдыхъ.

Далеко-далеко, какъ намъ показалось, слышались сначала смутные крики.

— Ну, теперь, ребята, въ оба гляди. Турки очнулись. Покажутся сейчасъ... Отбиваться надо.

— Отобьемся!

— То-то... Помолись и жди команды. А, главное, безъ толку да безъ приказа не стрѣлять. На штыкъ его встрѣчай. Турка страсть нашего штыка терпѣть не любитъ. Самое страшное ему дѣло штыкъ русскій. Страшнѣе пули—куда! Пуля летитъ сослѣпу—еще наткнется ли! А штыкъ тутъ вотъ сейчасъ. Насторожился и ждетъ.

Турецкія батареи уже заработали... Ахнули ихъ стальные груди, и гранаты полетѣли по направле- нію къ нашей нововзятой траншеѣ. Очевидно, раз- стояніе было отлично вывѣрено у нихъ, потому что снаряды зарывались подъ носомъ у насъ, об- давая насъ то желѣзными осколками, то землей... «А, чтобъ тебя!» слышался порой недовольный крикъ забросаннаго комьями слякоти солдата.

Линія турецкаго огня близилась, пули точно без- численные пчелиные рои сорвались изъ встрево- женныхъ ульевъ и неслись къ намъ навстрѣчу. И то же жужжаніе, что у пчелиныхъ роевъ, и та же кажущаяся густота налета.

Турки подходили съ громкими криками, точно ободряя самихъ себя, какъ дѣти, поющія въ тем- нотѣ. Нѣкоторые изъ нихъ съ нервными воскли-

паніями «Алла» выбѣгали впередъ. Они не умѣютъ приближаться тихо, и при наступленіи сами линіей огня открываютъ свои силы. И теперь по этой линіи мы могли опредѣлить, что на насъ идутъ таборовъ пять, не меньше. Токмаковъ все время ходилъ за строемъ нашихъ и повторялъ:

— Жди команды, ребята, не стрѣляй пока. Подойдутъ ближе, тогда мы ихъ и ошпаримъ.

— Рота—пли!—рѣзко прозвучала команда.

Убийственный залпъ прямо въ лицо непріятеля. Минута молчанія. Только щелкаютъ экстракторы и слышенъ шорохъ заряжающихся ружей. Ни одинъ изъ солдатъ не выстрѣлилъ безъ команды. Командиры чувствуютъ, что вся часть въ рукахъ, что солдаты спокойны и выдержаны. Является увѣренность за сегодняшнюю ночь. Позиція останется за нами. Но непріятель тоже настойчивъ и стоекъ. Турки не пріучили насъ къ этому. Османъ-паша, очевидно, сегодня послалъ противъ насъ лучшія свои силы.

— Рота—пли!—вновь слышится какъ и въ первый разъ.

Залпъ на еще болѣе короткомъ разстояніи. «Алла, Алла!» и стоны въ близкихъ уже рядахъ непріятеля. Опять щелканье экстракторовъ. Два залпа заставили пріостановиться турокъ, но они быстро выравниваются и идутъ впередъ.

Уже въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ ихъ линіи, уже видны дула ихъ ружей, перебѣгающія фигуры ихъ стрѣлковъ, при огнѣ выстрѣловъ различаешь ихъ смуглыя лица, озаряемыя краснымъ, точно кровавымъ блескомъ. Видны сплошныя массы позади. Настанетъ минута, и рота, пожалуй, бу-

деть раздавлена этою громадною лавиной... Я оглядываюсь на своих—у всѣхъ лица точно прикованы туда, ружья на прицѣль, устья дулъ чуть шевелятся, очевидно, каждый слѣдитъ за врагомъ и по мѣрѣ его приближенія переводитъ дуло. Нѣсколько минутъ, и рота, пожалуй, не выдержала бы. Слишкомъ уже не равны силы! Ихъ десять противъ одного нашего! Пошатнись, отступи—и ни одинъ солдатъ не будетъ живымъ.

Опять команда.

Залпъ—въ лица самыя. Въ шумныхъ лавинахъ смятеніе.

Такого ужаса не выдержали турки. Передніе пошатнулись, назадъ ринулись, давятъ слѣдующихъ за ними...

Трескотня выстрѣловъ уже въ спины бѣгущихъ.

Мы стойко сдѣлали свое дѣло. Шумная лавина враговъ низверглась внизъ, слышенъ только трескъ отъ ломающейся соломы на кукурузныхъ не сжатыхъ поляхъ да топотъ нѣсколькихъ тысячъ ногъ.

Теперь мы могли отдыхать... позиція была наша.

Я гордился за свою часть. Она сегодня явила себя равною настоящимъ боевымъ, обстрѣленнымъ солдатамъ. Ждать вражью атаку съ ружьями на прицѣль и не поддаваться соблазну выпустить хоть одну пулю, выдержать непріятеля (и какого многочисленнаго, сравнительно съ нами!)—прямо на себя; дать потомъ рядъ такихъ убійственныхъ залповъ, послѣдствія которыхъ показали, что каждый, не поддаваясь личному впечатлѣнію, зорко и осторожно ожидалъ команды,—это хоть бы и солдатамъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и въ сотняхъ битвъ окуренныхъ порохомъ дымомъ!

Токмаковъ тоже горѣлъ весь отъ счастья. Сегодня было его праздникомъ. Рота оказалась такою же желѣзною, какъ и прежде!..

Мрачное сырое и туманное утро, смѣнившее тревожную ночь, застало насъ въ траншеѣ, отбитой у турокъ.

Еще не разъ они предпринимали атаки, чтобъ отбить позицію, но недавній успѣхъ далъ молодымъ солдатамъ вѣру въ свои силы и убѣжденіе въ недостаточной стойкости непріятеля. Сегодня этихъ молодцовъ нельзя было узнать: они совсѣмъ иначе смотрѣли, говорили и держали себя, чѣмъ наканунѣ. Между ихъ прошлымъ и нынѣшнимъ днемъ красною строкой прошли вчерашнія боевыя впечатлѣнія, удача, которой они одолжены были этою траншеей, свидѣтельница ихъ подвига.

Я всталъ на банкетъ ея бруствера и засмотрѣлся въ даль.

Сначала туманъ позволялъ разглядѣть сырыя темныя поляны, поросшія неснятою кукурузой. Вся измокшая, къ землѣ прибитая тяжелыми солдатскими ногами, шероховато, мочалинами лежала она у самой нашей траншеи, дальше на ней смутно обрисовывались во мглѣ тѣла убитыхъ враговъ. Въ этомъ призрачномъ освѣщеніи скупого и сѣраго болгарскаго осенняго дня, они едва-едва различались отъ гніющихъ порослей этихъ нивъ, оставленныхъ работниками. Одинъ турокъ особенно близко, храбрецъ, должно-быть, чуть не до самой нашей траншеи добѣжалъ и, сраженный пулей въ упоръ, ничкомъ упалъ на землю. Феска свалилась, бритая голова точно блеститъ изъ-за кукурузы. А вонъ дальше, изъ-за той же кукурузы,

только одно лицо видно горбоносое, гололобое... Грозно въ самое небо смотрять зоркія очи; должно-быть, смерть застала его въ минуту наибольшаго боевого одушевленія.

Когда я сошелъ внизъ, очевидно, впечатлѣнія вчерашней ночи уже стали укладываться послѣ недавняго боевого оживленія,—кругомъ было мертвое молчаніе.

Солдаты отдыхаютъ. Усталъ сказалась только къ полудню. Еще нѣсколько времени назадъ хотѣлось смѣяться, шутить, весело сознавать себя живымъ и цѣлымъ, такъ что утомленія не чувствовалось еще; но теперь оно взяло свое... Шутки замерли сами собой; веселье, какъ огонекъ костра въ сырую мглистую ночь, мало-по-малу погасло. Кое-гдѣ только, какъ дымокъ послѣ него, начинала медленно и тихо завязываться бесѣда, но и тутъ очень скоро она смолкла. Еще немного спустя бодрствовали лишь часовые на банкетахъ, зорко слѣдившіе за таинственною далью, гдѣ въ туманѣ должны были находиться редуты и укрѣпленія непріятели. Этихъ не надо было учить осторожности. Они сами не отводили глазъ отъ мгlistыхъ окрестностей. Вчера на настоящемъ дѣлѣ всѣ разомъ стали серьезными и свято исполняли свое дѣло. Тутъ уже не нужны были мѣры для поддержки дисциплины, распатывающейся иногда въ мирное время или на походѣ. Здѣсь она сама по себѣ была желѣзною и лежала въ сознаніи каждаго. Все остальное, кромѣ часовыхъ, скоро уже спало—спало на зло холоду, на зло мелкому моросившему въ самыя лица дождю... Заснулъ и я.

Сколько времени я спалъ,—не помню. Когда

проснулся, было еще свѣтло. День мало-по-малу умиралъ въ туманѣ и сырости этого осенняго насквозь пронизывающаго вечера. Съ турецкихъ позицій насъ тоже не тревожили. Готовились ли турки къ новому штурму—только сегодня и часовые ихъ стрѣляли лѣниво... Такъ рѣдко, такъ лѣниво, что наши не обращали вниманія на эти выстрѣлы. Изрѣдка развѣ вырывалось у кого-нибудь: «ишь балуются!» Когда секреты смѣнились, и люди, лежавшіе въ нихъ, вернулись къ намъ, я спросилъ, что дѣлается у турокъ.

— Прихилились, точно и нѣтъ ихъ. Что песъ—нашкодилъ, и подѣ лавку!

— Незамѣтно у нихъ движенія?

— Тамъ утромъ еще лопотали по-своему, а теперь молчатъ.

Очевидно, и у нихъ боевыя впечатлѣнія улеглись, смѣняясь усталю, апатіей, почти мертвымъ равнодушіемъ ко всему.

VI.

Счастье Токмакова.

Черезъ нѣсколько дней, полныхъ утомленія и устали, небольшихъ потерь и величайшихъ возбужденій, турки уже не пытались отнять новыя позиціи. Они увѣрились, что насъ не выбить отсюда, старайся сколько хочешь.

Мы посылали въ траншею только дежурныя части; остальные отдыхали позади въ обезлюдѣвшихъ селахъ, среди сравнительной безопасности, говорю сравнительной, потому что то-то и дѣло въ обломан-

ныя кровли болгарскихъ землянокъ попадали турецкія гранаты и часто, пробивъ такую крышу, разрывались по ночамъ въ самой землянкѣ среди спавшаго тамъ народа. Мы, впрочемъ, уже притерпѣлись къ этому. У насъ даже устроился офицерскій клубъ, а на площади села играла въ известное время музыка. Туманы не такъ стали густы, дожди рѣже. По утрамъ земля оказывалась покрытой инеемъ, оставшаяся въ поляхъ кукуруза стояла вся бѣлая, точно въ фатѣ вѣнчальной... Зима подходила съ своими холодами, и подъ полотнищами палатокъ солдаты, не находившіе мѣста въ землянкахъ, начинали дрогнуть. Съ турецкихъ позицій къ намъ являлись перебѣжчики. Въ Плевнѣ начался голодъ, и положеніе осаждаемаго города становилось нестерпимо. У насъ почти прекратились военныя дѣйствія. Рѣшили ждать сдачи или ухода турокъ, а до тѣхъ поръ не рисковать бесполезно жизнью солдатъ. Токмаковъ уже заговорилъ о своихъ малюткахъ, повторяя:

— Ну теперь я за гарнадерскую (по старой памяти) роту спокоенъ. Молодцами оказались: старику и на покой можно.

— Получаешь письма отъ вдовы?

— То-то и дѣло, что нѣтъ...

Очевидно, старикъ привязался уже къ дѣтишкамъ товарища и теперь рвался къ нимъ...

— Вотъ только возьмемъ мы Плевень, и гайда домой!..

Смерти и устали онъ не боялся, но старыя кости ныли отъ холода и сырости. Онъ исполнилъ все, зачѣмъ сюда явился, и, хотъ откладывалъ со

дня на день, но все-таки уже готовился къ дорогѣ назадъ и только самъ про себя повторялъ:

— Вотъ возьмемъ Плевень... тогда уже...

Но еще раньше Токмакова ждало событіе, о которомъ онъ и не думалъ.

Какъ-то утромъ нашъ баталіонъ, въ свою очередь, занялъ уже спокойную траншею. Токмаковъ остался позади въ землянкѣ—полѣнился пойти со своими. Не на службѣ вѣдь, да и не зачѣмъ—можно дать отдыхъ старымъ костямъ. Его застали съ молодыми только-что присланными на пополненіе солдатами. Онъ имъ рассказывалъ «дѣла давно минувшихъ дней» и недавніе подвиги полка и, главное, роты, въ которую имъ приходилось поступить...

— Генераль кличетъ въ траншею!—позвали его.

— Нешто дѣло? Турки зашевелились?

— Нѣтъ, все спокойно, Сергѣй Ефимычъ. Такъ приказали вамъ явиться.

Токмаковъ умылся, надѣлъ шинель, подѣбрилъ сѣдые усы и, послѣдній разъ оглядѣвъ себя въ ручное зеркало, пошелъ...

Скобелевъ ждалъ его уже.

— Ну, здравствуй, старикъ... Радъ тебя видѣть живымъ и здоровымъ.

— Здравія желаемъ вашему превосходительству!

— Мы тебя ждемъ...

Токмаковъ оглянулся и ничего не понялъ. Въ траншеѣ были выстроены солдаты. Всѣ смотрѣли на него и точно ждали чего-то... Скобелевъ взялъ старика за руку и ввелъ его въ ихъ ряды.

— Боевому герою нашему—отставному фельд-

Фебелю Сергѣю Токмакову... Шай—на кра-уль...—
скомандовалъ самъ Скобелевъ.

Отчетливо выполнена команда... Токмаковъ вытянулся и замеръ.

— За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ. Великій князь, главнокомандующій, прислалъ тебѣ солдатскаго Георгія 1-й степени, котораго у тебя еще не было... Я самъ надѣну его на тебя.

Подъ звуки «военной чести» полкового оркестра Токмакову подали золотого Георгія съ бантомъ... Генераль расцѣловался со старикомъ и прикрѣпилъ крестъ ему на грудь.

— Спасибо тебѣ и за твою службу и за примѣръ, который ты показалъ молодежи! Ну, ребята, нашему дѣду—ура!..

Могучее «ура» было подхвачено во всѣхъ концахъ траншеи, и, когда Токмаковъ шелъ по ней назадъ, солдаты сами вставали и отдавали ему честь. На глазахъ у старика стояли слезы... Онъ нѣсколько дней ходилъ сіяющій и радостный, такъ что послѣ этого дня уже не особенно обрадовало его назначеніе ему пенсіона за службу.

— Мнѣ что, дѣтишкамъ будетъ легче... А мнѣ, благодаря Бога, и безъ того пропитаться легко было.

Черезъ нѣсколько дней Плевна пала.

Османъ-паша пробовалъ было пробиться, но гренадеры остановили его.

Начинался новый актъ войны, съ героическими перевалами черезъ Балканы, зимними переходами надъ безднами въ виду турецкихъ позицій.

Это было бы уже и не по силамъ старику фельд-

фелю, тѣмъ болѣе, что онъ сталъ прихварывать...

— Надо побережь старика!—говорилъ Скобелевъ, и какъ-то утромъ позвалъ его къ себѣ.

— Ну, Сергѣй Ефимычъ, ты послужилъ довольно. Отправляйся теперь домой. А то свалишься.

— Я съ полкомъ!..—заговорилъ было Токмаковъ, уже забывшій свое намѣреніе вернуться.

— Вотъ видишь-ли: я душевно радъ тебя видѣть, а только я тебѣ уже какъ начальникъ приказываю—уѣзжай. Теперь наступаетъ такое время, когда ты не отъ пули, а отъ глупаго тифа пропадешь здѣсь безо всякой пользы... А пока я не говорю тебѣ «прощай», а «до свиданія!» Скоро войнѣ конецъ, и мы опять увидимся. Если тебѣ нужно будетъ что-нибудь, обращайся прямо ко мнѣ. Я старыхъ друзей не забываю...

Генералъ обнялъ его.

На другой день нашу роту выстроили нарочно, чтобы проститься съ нимъ.

Онъ перецѣловался съ нами и, едва сдерживая волненіе, обратился къ солдатамъ съ послѣдними словами:

— Помните службу, ребяташки... Честно, усердно, по всей правдѣ!..

И не докончилъ, отмахнулся, перекрестился — и нѣсколько минутъ спустя пропалъ за безлистными деревьями, стоявшими на краю села.

Уже за Балканами, подъ Санъ-Стефано, до насъ дошла вѣсть, что старикъ будто бы умеръ.

Жаль было, и мы ждали подтвержденій этой вѣсти, чтобъ отслужить по немъ панихиду. Разсказами о старомъ фельдфелѣ коротались длинные вечера долгой скучной стоянки. Нравственный

образъ Токмакова словно въявѣ стоялъ передъ каждымъ изъ насъ.

Надо правду сказать, подъ другими сильными впечатлѣніями воспоминанія прошлаго какъ-то быстро изглаживались, и когда во всей прелести южныхъ красокъ подъ голубыми небесами ритмически спокойное раскинулось предъ нами Мраморное море, среди насъ никто не вспомнилъ стараго фельдфебеля. Не до него было. Бѣлые паруса турецкихъ лодокъ казались крыльями чаекъ надъ синими волнами. Вдали, въ золотистомъ туманѣ, чуть мерещились берега Малой Азіи, налѣво, дразня наше воображеніе, сіялъ подъ знойнымъ солнцемъ дивный миражъ Константинополя, съ безчисленными минаретами. Даже солдаты, и тѣ уже не рассказывали ничего о Токмаковѣ. Всѣ повѣрили его смерти. Кто-то рѣшилъ даже: «будетъ, пожилъ—дай Богъ каждому такъ-то». И на этомъ всѣ успокоились. И въ самомъ дѣлѣ: дай Богъ каждому!

VII.

Д о м а.

Оккупациа кончилась...

Мы до-нельзя были обрадованы вѣстью, что на дняхъ и насъ двинуть домой. Нашъ полкъ въ это время отъ береговъ Мраморнаго моря попалъ обратно къ Дунаю. Мы занимали Руцукъ и страшно скучали въ этомъ большомъ, омертвѣвшемъ полутурецкомъ городѣ. Вѣчно одно и то же: посященіе кофеенъ съ отвратительными нѣмецки-

ми пѣвицами, попавшими сюда послѣ долгаго скитальчества по разнымъ труппамъ Востока; гулянье по площади, на которой нашъ хоръ музыкантовъ исполнялъ то, что ему Господь на душу положить... Единственнымъ развлеченіемъ служили поѣздки по Дунаю, по его зеленымъ островамъ. Вспомнилось, какъ годъ назадъ мы шли сюда, полные надеждъ... Какъ порѣдѣли наши ряды, какъ мало оставалось товарищей изъ тѣхъ, что вмѣстѣ со мной переходили эту великую славянскую рѣку!.. Позади—несмотря на наше самоотверженіе, на тысячи принесенныхъ нами жертвъ—уже рождалась къ намъ злоба и ненависть. Мы точно оказались виноватыми предъ кѣмъ-то; никто еще не могъ дать себѣ отчета,—только недавніе подвиги почему-то вдругъ утрачивали въ нашихъ глазахъ свой блескъ. Поневолѣ приходилось считать потери, поминая выбывшихъ товарищей, однополчанъ. Кто остался въ общихъ могилахъ въ болгарской землѣ, кто умеръ по пути въ поѣздахъ «Краснаго Креста», кто въ тифозныхъ госпиталяхъ Румыніи. Наконецъ помянули и Токмакова, и его судьба—умереть,—если онъ умеръ на родинѣ,—являлась еще наиболѣе счастливою. Все-таки дома!

О, какъ хотѣлось намъ домой, скорѣй назадъ на родину,—намъ, ея дѣтямъ, которыя ей принесли въ жертву все, что у нихъ было самага дорогаго и прекраснаго. Намъ казалось, что только она одна можетъ залечить наши душевныя раны, что только на ея просторѣ сердце опять забьется спокойно и радостно, что стоитъ намъ лишь перейти ея границы, чтобъ опять воскресла вѣра во все!.. О, какъ хотѣлось домой и съ какою завистью мы прово-

жали тѣхъ, кто имѣлъ возможность сдѣлать это ранѣе, получая отпускъ или командировку...

«Счастливыцы!» говорили вслѣдъ имъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе въ насъ разгоралось нетерпѣніе оставить поскорѣе эту опостылѣвшую намъ облитую *нашею* кровью, неблагодарную чужбину!

Наконецъ, пробилъ счастливый часъ... Мы въ этомъ отношеніи выпили чашу до дна. Чуть не послѣднимъ нашъ полкъ уходилъ изъ Болгаріи... Съ обрубка дунайскаго берега мы еще разъ взглянули на эту политую нашею кровью землю, помянули павшихъ товарищей и быстро оставили за собою надоѣвшую намъ еще ранѣе Румынію.

Полкъ нашъ стройно, съ развернутыми знаменами и музыкой, вступилъ въ Россію. На самой границѣ мы отслужили молебень, крикнули «ура» родимому краю и радостно начали прислушиваться уже къ сплошнымъ звукамъ своего языка. Здѣсь и мы всѣхъ понимали, и всѣ понимали насъ... Точно не было потерь, устали, тысячи смертей, голода и холода позади, точно это не мы мерзли на вершинахъ Балканъ, тонули въ плевненскихъ болотахъ, умирали на чужихъ поляхъ. Скоро бы все это показалось сномъ, если бы не встрѣча, ожидавшая насъ на старыхъ мѣстахъ.

Болгары, которыхъ мы освободили, провожали насъ, какъ надоѣвшихъ имъ притѣснителей; только здѣсь, дома, насъ встрѣчали какъ людей, честно сдѣлавшихъ свое дѣло и послужившихъ родинѣ и ея славѣ. Нашъ городъ весь высыпалъ намъ навстрѣчу! Духовенство встрѣтило насъ благословеніями, колокола весело звонили намъ свое «добро пожаловать»; «ура» носилось ураганомъ надъ ти-

хими полями, убранными въ этотъ день въ зелень и цвѣты прелестной украинской весны. Торжественно и строго въ прохладномъ воздухѣ вѣяли знамена, прострѣленные турецкими пулями, окуренные пороховымъ дымомъ героическихъ битвъ, казалось, еще окруженные возбуждающею чудною атмосферой только что пережитаго легендарнаго времени... Музыка впереди—мы уже готовились вступить въ городъ—какъ вдругъ впереди случилось что-то: остановился оркестръ, подѣхалъ туда нашъ полковникъ, кинулись офицеры, и новое «ура» вспыхнуло съ неудержимою силою... Я было съ ротой сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился, какъ вкопанный.

Насъ встрѣтилъ никто иной какъ похороненный было Сергѣй Токмаковъ съ пріемными дѣтьми, одѣтыми въ форму нашего полка. У Токмакова въ рукахъ было деревянное блюдо съ хлѣбомъ-солью, но его пришлось передать другимъ—самъ онъ, нашъ старый боевой товарищъ, переходилъ изъ одного объятія въ другія. Онъ оставался все такимъ же худымъ и прямымъ, такъ же сурово топорщились его сѣдые брови и ласково улыбались изъ-подъ нихъ юношескимъ огнемъ горѣвшіе глаза...

Впереди насъ ждали другія депутаціи...

Но Токмакова мы не выпустили.

Онъ больше всѣхъ насъ имѣлъ право на скромное и сердечное устроенное намъ торжество. Мы его заставили стать на флангъ его старой «гренадерской» роты и двинуться съ нами впередъ, при чемъ солдаты радостно наклонялись изъ рядовъ, желая разсмотрѣть его,—онъ ли это воскресъ изъ мертвыхъ и вѣявъ идетъ съ нами...

Черезъ нѣсколько дней весь полкъ давалъ обѣдъ своему старому фельдфебелю.

Мы ему поднесли отъ нашей роты нарочно для этого заказанный золотой Георгіевскій крестъ съ вырѣзанною на немъ надписью:

*Старому нашему фельдфебелю
Сергѣю Токмакову—младшіе товарищи
1-ой стрѣлковой роты *** полка
за любовь и боевую науку.*

Старикъ былъ растроганъ, а когда мы всѣ, поднявъ бокалы за его здоровье, крикнули ему наше дружеское товарищеское «ура», онъ стоялъ передъ нами весь блѣдный, но прямой и скромный, какъ всегда. Только влажные отъ слезъ глаза выдавали его волненіе.

— Дозвольте и мнѣ... За нашъ храбрый, доблестный полкъ... Чтобы стоять ему такъ же твердо и нерушимо, какъ и всей нашей матушки Россіи!..

Больше онъ и не могъ говорить, да и нельзя было—солдаты подхватили его и на рукахъ вынесли на площадь къ другимъ ожидавшимъ его полковымъ товарищамъ...

конецъ.